

Татьяна
ТРОНИНА
Серебряные слезы

*истории
любви*

Татьяна Михайловна Тренина

Серебряные слезы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161433

Татьяна Тренина. Серебряные слезы: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-18753-7

Аннотация

Без прошлого нет будущего. Лиза пытается разгадать тайну, связанную с ее рождением. Одновременно у нее завязывается роман с Сашей, ресторанным певцом. Неожиданно появляется третий – удачливый бизнесмен Денис, который вдруг решил предъявить свои права на Лизу, посвятившую ему когда-то пять лет жизни. Он понял, что только с этой женщиной он чувствует себя мужчиной... Тайна рождения Лизы уходит корнями в далекое прошлое – когда-то, во времена Серебряного века, разыгралась совсем другая драма. Любовь не умирает, и призрак того чувства не дает покоя ныне живущим. А Денис готов на все, чтобы Лиза принадлежала только ему. Даже на преступление...

Татьяна Тренина

Серебряные слезы

*Как сладко, все простив друг другу,
Без злого пламени в крови,
Глухою ночью слушать вьюгу —
Все ту же сказку о любви.
О нет, не к тем сгоревшим негам!
Но ласку грустную пролей,
Дохнувши розами над снегом
Моих последних февралей...*

С. М. Соловьев

* * *

– Хотите, я на вас женюсь?

Его огромные, молочно-голубые, абсолютно непроницаемые глаза смотрели на меня, не мигая.

– Зачем? – вздохнула я.

– Затем, что любая женщина мечтает выйти замуж. Даже при нынешней эмансипации...

– К вашему сведению, Ковальчук, мне вчера сделали два подобных предложения. А уж что было неделю назад – я молчу... Целая очередь ко мне стояла.

– Елизавета Аркадьевна, я вас понимаю – проблема выбора. Это самая тяжелая проблема для женщины, когда при-

ходится выбирать. Метаться между ценой и качеством, так сказать...

– Вы надеетесь, что я буду благосклонна именно к вам?

– Да, – кивнул Ковальчук. – Он все несерьезно говорил, а я серьезно! Ей-богу, вы мне очень нравитесь. Я еще на первом курсе на вас глаз положил, – понизив голос, доверительно сообщил он. – Когда у вас другая прическа была.

– Польшена, весьма польщена...

– Да и разница в годах у нас весьма небольшая, да? – Он с любопытством приподнял брови.

Вопрос о возрасте мне не понравился, и я решила прекратить глупый разговор.

– Все вам расскажи... Хватит! Это ужасно – почему девицы во время сессии надевают мини, когда экзамен принимает мужчина, а молодые люди предлагают преподавателю, если она женского пола, руку и сердце?

– А чего вы хотите? – заерзал Ковальчук. – Можно и без штампа в паспорте...

Я хотела разозлиться на него, но не смогла – в конце июня в городе стояла настоящая тропическая жара.

– Я на вас докладную ректору напишу, – сказала я. – Что-то я не уверена в том, что вам нравлюсь, – у вас только пять посещений за целый семестр. Могли бы и почаще на меня любоваться. Я, вообще-то, хотела бы, чтобы мой супруг знал предмет, который я преподаю, – литературу конца девятнадцатого и начала двадцатого века. А вы футуристов перепу-

тали с символистами, про реалистов данного периода ни слова не сказали, у Блока только поэму «Двенадцать» читали, Ахматову с Цветаевой явно не различаете...

Ковальчук моргнул – кажется, в первый раз.

– Я из-за вас в городе сижу, вместо того чтобы отправиться в заслуженный отпуск. Ладно, приходите двадцать седьмого. Если и в следующий раз не сможете ничего ответить, будем разбираться осенью, – закончила я. – И без этих глупых предложений... Запомните – вы не в моем вкусе.

– Ясно... – Он сграбастал свою зачетку и уныло побрел к выходу.

Я тоже собралась домой, но в институтском скверике, где по аллеям метался тополиный пух, столкнулась с Аглаей. Аглае было тридцать пять лет, и она преподавала в нашем Филологическом институте грамматику. Мы с ней почти дружили.

– Лизонька! – вскрикнула она. – Тебя Викентий Петрович искал! Впрочем, он, наверное, уже ушел...

Викентием Петровичем звали ректора нашего института.

У Аглаи нос и глаза были красными из-за пуха, она то и дело поправляла очки.

– Ты уходишь? – спросила я.

– Да. Идем вместе до остановки. Господи, Лиза, какая ты счастливая – сейчас придешь к себе домой, ляжешь на диван... А я, как жучка, сначала по магазинам буду бегать, потом стоять у плиты. Если еще Леонид Иванович не в духе

придет... Слава богу, что Зинка у бабушки до конца лета! Ей двенадцать, гормоны играют, никого не желает слушать...

– Господи, Аглая, как я тебе завидую, – перебила я ее решительно, – у тебя муж, ребенок, ты не одна, тебя любят... А мне двадцать девять – не так уж намного ты меня и старше, – и ни одной родной души рядом. И напрочь отсутствуют всякие гормоны. Сейчас один балбес на экзамене нес страшную пургу, а я даже не могла на него разозлиться. Хотела, но не могла! Кстати, я ко всем своим прочим бедам еще и сирота. У меня нет ни отца, ни матери. Отца я вообще ни разу в жизни не видела, у меня от него только фамилия осталась. Так что еще вопрос, кто из нас счастливее!

Очки у Аглаи быстро сползли до кончика носа, и она задвинула пальцем их обратно, на переносицу. Она почувствовала угрызения совести.

– Ты что в отпуске будешь делать? – спросила я, чтобы окончательно растравить свои раны.

– Что? Поедем в Тверь, к родственникам Леонида Ивановича – у них там дивный сад.

– Дивный сад... – вздохнула я. Мне в отпуске ничего не светило. Я точно знала, как я его проведу, – в городе, за компьютером, наедине со своей научной работой под названием «Образ ангела в символике русской литературы Серебряного века». Самым интересным моим времяпрепровождением будут походы в библиотеку для чтения монографий и подлинников... Впрочем, один плюс в этом есть – залы будут

полупусты. Тишина, звон трамваев за окнами, тихий солнечный свет, вездесущие комочки июльского пуха, перекатывающиеся по вощеному паркету – от одного стеллажа с книгами до другого...

– Запомни, сад – не мой, – возразила Аглая, с любопытством глядя на меня – вероятно, по моему лицу читались мысли. – Никакой романтики не будет – ни поцелуев под яблоней, ни вечерних прогулок рука об руку, ни чтения Бориса Пастернака под луной... Леонид Иванович – страшный зануда, и, как ты знаешь, мы уже четырнадцать лет в браке. А вот у тебя мог бы быть собственный сад, если бы ты тогда...

– Ах, не вспоминай... – махнула я рукой.

– Нет, буду вспоминать! – сурово произнесла Аглая, поправляя непослушные очки. – Ты дурочка. Я, конечно, тоже дурочка, но ты еще более дурочка, чем я. Он был вполне обеспечен, он дарил тебе подарки, предлагал руку и сердце...

– Господи, кто только мне этого не предлагал...

– Нет, я о серьезных предложениях! Он любил тебя.

– Да, а потом заявил, что во мне нет огня.

– Ну, ты тоже ему много чего лестного наговорила... Я, конечно, не психоаналитик, но вы вполне могли бы помириться. Целых пять лет вы прожили вместе!

– Мне никто не нужен, – насупилась я.

– Я и вижу, – сердито произнесла Аглая. – Во что ты превратилась? За один год ты сделала из себя такое страшили-

ще, что ни один нормальный мужчина...

– Ты ничего не понимаешь! Это называется сменой имиджа. У тебя просто устарелый вкус, тебе нравятся барышни с конфетных коробок, кукольные личики... Ты сто лет ходишь с дурацким бантом и думаешь, что он выглядит мило и оригинально...

– Не трогай мой любимый бант! – вспыхнула Аглая.

В самом деле, я уже не могла представить ее без этого черного капронового банта, который огромным увядшим цветком вот уже много лет болтался у нее на затылке. Когда-то, когда Леонид Иванович был еще студентом строительного института, он сказал юной Аглаше, что ей очень идет бант и что в профиль она похожа на древнегреческую камею. Похоже, Аглая решила не снимать бант до самой смерти. Интересно, а спать она тоже ложится в нем?

– Ладно, не буду... Вон твой троллейбус. – Я принципиально не любила ссориться. «Рыбья кровь», – как-то сказали обо мне. Именно тот человек, в чьем саду я могла сейчас гулять...

– Ладно, до завтра... – Аглая тоже не любила выяснять отношения. – И не забудь зайти завтра с утра к Викентию!

Я помахала ей рукой, а сама спустилась в метро.

Черные стекла в поезде отразили мой светлый лик. Нет, Аглая ничего не понимает... Я нравилась себе такой – новой. «Если вы переживаете душевный кризис – смените прическу...» – рекомендовали дамские журналы. Я и сменила.

Раньше у меня были длинные, почти до пояса, волосы, крашенные в яркий тициановский цвет, или попросту рыжий, брови я немилосердно чернила, а для губ использовала оранжевую помаду. «Какая эффектная девушка», – говорили мне раньше. «Ты пытаешься хотя бы внешне сделать себя ярче» – это уже говорил мне он, и с осуждением, и с восхищением. «Преподаватель не должен слишком отличаться от своих студентов, – со сдержанным одобрением кивал Викентий, наш бог-громовержец. – Я демократичный руководитель... Цветите, детка!» – «Настоящий розан!» – вопила Аглая.

Яркие краски надоели. Пусть будет гармония и внешнее сравняется с внутренним. Я коротко подстриглась, перестала красить волосы – и скоро они приобрели мой естественный белесый оттенок. Никаких черных бровей – теперь, без карандаша, они были почти незаметны. Лишь немного светло-коричневой туши на ресницы, чтобы совсем не превратиться в бледный призрак. Губы – что-то бежевое, естественное... В общем, я стала самой собой, и это обратное превращение из бабочки в куколку мне даже нравилось...

Только почему-то целый год я была одна?.. Но разве мне это тоже не нравилось?

* * *

– Заходите, детка, – стальным голосом произнес Викен-

тий. Он со всеми говорил стальным голосом – с тех пор, как стал ректором и ему пришлось разбираться с разгильдяями-студентами и интригами преподавателей, всяких там доцентов и профессоров. – Сегодня двадцать седьмое, как дела?

– Спасибо, Викентий Петрович, хорошо, – примерным голосом ответила я. – Все мои студенты сдали экзамен, даже Ковальчук поднапрягся и сегодня утром пришел вполне подготовленным...

– Вы слишком добрая, Елизавета Аркадьевна, – припечатал Викентий. – У Ковальчука три «хвоста» по другим предметам... Если к зиме не исправится – отчислю его за академическую неуспеваемость. Надоел он мне. Занимает чужое место в общежитии.

Солнце светило в кабинет, в его лучах клубилась золотая пыль. «Это все тополиный пух, – подумала я. – От него нельзя избавиться...»

– Я вот почему вас вызвал, Елизавета Аркадьевна... – вспомнил Викентий, нахмурив седые, цвета стали, брови. – Как там ваша работа продвигается?

Я была по возрасту самым младшим преподавателем, поэтому он считал, что меня надо опекать.

– Все в порядке, – кивнула я, – пока никаких сложностей. Сессия закончилась – буду ездить в библиотеку.

– Отдохните хотя бы недели две – в августе нам еще вступительные принимать. Очень большой конкурс в этом году.

Народ понял, что юристов и бухгалтеров слишком много развелось, и кинулся изучать гуманитарные науки.

Из нашего института выходили журналисты, критики, сценаристы, филологи, учителя, было даже несколько известных писателей. Очень много выпускников работало на телевидении и радио. Слава иногда стоит дороже денег.

– Как вы собираетесь раскрывать тему?

– Ой, по ней столько материала... У каждого автора Серебряного века своя теодицея, трансцендентальность. Ну, и ангелов полно. Ангел как символ смерти, символ божественного миропорядка, символ любви...

– Я вас умоляю, только не делайте из своей работы беллетристику!

– Я не собираюсь... – испугалась я. Если сейчас Викентий примется за критику, то мне до вечера отсюда не выйти!

– Каких авторов предполагаете использовать?

Я принялась перечислять.

– А Брюсова? – вдруг перебил он меня, сверкая хищным стальным взором.

– Его в первую очередь! Господи, браться за такую тему и забыть про «Огненного ангела» Брюсова... Вы обо мне так плохо думаете! Я, кстати, еще одного автора откопала – он почти неизвестен. Лирика проходная, ни разу с тех пор не переиздавалась, зато есть небольшой роман, называется «Бледный ангел». Копалась в архивах и вот... откопала. Правда, только отрывки. Вы его, конечно, не знаете, но это в некото-

ром роде образец декадентского стиля...

– Как не знаю?! – Викентий даже подпрыгнул от возмущения на своем кресле, больше напоминающем трон. – Как это я не знаю...

А я и забыла, что у моего начальства пунктик – Викентий всегда и обо всем должен был знать. Даже малоизвестных писателей Серебряного века...

– Автор – Андрей Калугин, не так ли? – ехидно произнес он.

– Да... Вы просто гений, Викентий Петрович!

– Милочка, не льстите мне, я совершенно невосприимчив к лести. Если бы я верил всяким похвалам, то давно бы вылетел из своего кресла...

И пошел, и пошел...

– Кстати, об этом авторе я могу вам еще кое-что сообщить, чего вы сами не узнали бы, моя дорогая, даже если б сто лет копались в архивах...

– Викентий Петрович – вам звонят из мэрии! – без стука влетела в кабинет секретарша. – Я соединяю...

– Да-да, конечно... – Начальство сразу же потеряло ко мне всякий интерес. – Идите, Елизавета Аркадьевна, мы после все обсудим. Идите, мой бледный ангел...

Выходя от Викентия, я заглянула в большое зеркало, которое висело у него в предбаннике. «Бледная – это верно, – отметила я. – Но до ангела мне еще очень далеко».

Лето мое прошло так, как я и предполагала. Тихие библиотечные залы, запах книг, шепот скучающих библиотечарш за стойкой, скрип выдвигаемых и задвигаемых ящиков в отделе каталогов, ноющие в суставах пальцы – приходилось много записывать. Еще незримые беседы с Лосевым, Бердяевым, Федоровым, Владимиром Соловьевым... Еще стихи и проза – все то, что касалось ангелов. Ангел в русской литературе начала двадцатого века как символ смерти, как символ любви, творчества... Метафоры и прочая, и прочая...

В августе начались вступительные экзамены в наш институт, и я заседала в приемной комиссии. Викентий бегал злой, замученный и еще более стальной, чем раньше, потому что комиссию завалили апелляциями и надо было противостоять двоечникам. Абитуриентов и в самом деле было очень много.

Но в десятых числах стало немного легче, и он подошел ко мне.

– Помните наш последний разговор? – спросил он.

– Какой? Это когда вы посылали меня к нашему юристу?

– Да ну вас, Елизавета Аркадьевна... Когда мы говорили о научной работе, которую вы пишете!

– Ах, тогда...

– Вот-вот, – удовлетворенно кивнул он. – Мы говорили о

Калугине и его романе «Бледный ангел». Он, конечно, интересный, но будет еще интереснее, если вы съездите по одному адресу. Вы что-нибудь знаете о самом авторе?

– Ничегошеньки. Умер в тридцатых или сороковых годах двадцатого века – больше никаких биографических сведений.

– Детка, я вам предлагаю немного покопаться в прошлом. Вам это будет интересно и полезно, потому что о прочих авторах уже писано-переписано и надобно нечто новенькое. Небольшое открытие...

– Да? А сами вы этим не хотите заняться?

– Нет времени, – блеснул стальным взглядом мой босс. – И потом... особых сенсаций я вам не обещаю. Просто говорю – будет интересно...

А я-то, наивная, поверила, будто он может поделиться со мной чем-то ценным!

– Так вот... В ближнем Подмоскowie, минутах в тридцати на электричке от трех вокзалов, в собственном домике доживает свой век внучка Калугина. Презанятная старушка... У нее могут храниться какие-нибудь архивы.

– Я бы съездила, – согласилась я. – Тем более – всего тридцать минут... Но, Викентий Петрович, скажите, как вы умудряетесь обо всем знать? Тем более про какую-то старушку в Подмоскowie... Признайтесь, вы – бог?

– Елизавета Аркадьевна, душенька, я ненавижу комплименты, – взмахом стальных бровей остановил меня Викен-

тий. – Я уже начинаю подозревать вас в том, что вы нарочно изводите меня таким образом. В тихом омуте черти водятся...

– Вы посмотрите, как интересно получается – и ангелы, и бог, и даже черти в омуте... – мечтательно протянула я.

– Короче – вот вам адрес и не мучайте меня больше. У меня, между прочим, голова третий день болит...

– Но откуда у вас адрес?

– У меня племянница там живет. Все очень просто, дитя мое!

Он ушел, а ко мне подскочила Аглая.

– Как ты с ним говоришь, как говоришь! – прошептала она с ужасом и восторгом, оглядываясь по сторонам – нет ли кого поблизости. – Я так не могу... Мне кажется, он бы меня сразу же уволил! И еще мне кажется, что он к тебе неравнодушен.

– Милочка, опомнись – Викентию шестьдесят восемь лет.

– Нет, но он же тоже человек...

– Все гораздо проще: как правило, у людей, обладающих властью, есть скрытый пункт – они немного мазохисты. Наш Викентий с утра до вечера на всех рычит, и ему хочется, чтобы и его кто-нибудь помучил. Совсем немного, в рамках дозволенного.

После вступительных экзаменов наступило небольшое затишье, и я отправилась в небольшой подмосковный городок. Ехать действительно пришлось недолго, и вот я сошла с электрички на одной из маленьких станций. Внучка Калугина, как выяснилось, жила на самой окраине. Здесь стояли одноэтажные деревянные домики, обнесенные заборами, за которыми раздраженно лаяли собаки, узкие тропинки вилились вдоль Яузы, уводя меня в высокие камыши... Я едва не заблудилась, но потом каким-то непостижимым образом сумела выбраться на нужную улицу. Вернее – улочку...

Я увидела дом под номером два, а внучка Калугина жила в восемнадцатом. Приободрившись, я решительно зашагала вперед – потому что солнце уже начинало клониться к горизонту. Надо было поспешить, я слишком много времени потратила на поиски нужного направления.

Никого на дороге не было, лишь, немилосердно пыля на разбитом асфальте, изредка проезжали мимо машины. Вдоль тротуара (если можно так назвать узкую песчаную тропинку, проложенную вдоль бесконечных зеленых заборов) росли яблони, и иногда мне под ноги падали скукоженные мелкие плоды с темными бочками.

«Вот и лето прошло», – машинально подумала я. Еще одно лето в моей жизни. Что ждет меня дальше? Скорее все-

го, ничего. Череду пустых скучных дней, заполненных только работой. «Которую я очень люблю», – сурово одернула я себя.

Оранжевое вечернее солнце трепетало в листве, и вдруг, на этой тихой подмосковной улочке, которая вела меня к какой-то неизвестной старухе, которая, бог весть, согласится ли принять меня, я ощутила странный восторг и волнение, как будто в самое ближайшее время моя жизнь изменится и что-то произойдет. Неизвестно – плохое ли, хорошее, но обязательно произойдет.

Дом шесть, дом восемь... Двенадцатый растянулся длиннейшим забором, показавшимся настолько бесконечным, что я вдруг забеспокоилась, дойду ли сегодня до своей старушки.

Но вот и он, наконец, – номер восемнадцать, небрежно нарисованные масляной краской две цифры.

Я поискала звонок у калитки, но ничего такого не обнаружила. И вообще, калитка оказалась открытой, стоило только слегка толкнуть ее ладонью. Я вошла в сад, заросший и неухоженный, и по тропинке пошла к дому, вглядываясь вперед сквозь кусты давно отцветших сирени и жасмина.

«А есть тут кто-нибудь вообще? – неожиданный страх напал на меня. – Иду неизвестно куда! Сейчас наткнусь на мумифицированный труп старушки, усопшей в одиночестве позапрошлой зимой... И буду потом остаток жизни лечиться у психоаналитика!»

Дом был старый, двухэтажный, с большой верандой и столом, на котором кипел электрический самовар. Клубы пара, поднимавшиеся над самоваром, сразу же успокоили меня – значит, место обитаемо.

– Есть кто-нибудь? – решительно воскликнула я.

Дрогнула кружевная, кипенно-белая занавеска на окне, через несколько мгновений распахнулась дверь, и я увидела перед собой пожилую женщину в цветастом темном платье с отложным белым воротником, как у школьницы прошлых времен, и заколотой на затылке седой косой. «Она», – подумала я и заговорила, чувствуя прилив вдохновения:

– Добрый вечер. Меня зовут Елизавета Аркадьевна Синицына.

– Чем могу служить? – тихо прошелестела старушка.

– Вы Нина Ивановна Крымова, внучка Андрея Калугина? Я, собственно, приехала к вам как к внучке этого писателя, поскольку занимаюсь сейчас исследованием, посвященным русской литературе начала века... – принялась я подробно ей объяснять, кто я и что мне надо. Но старушка неожиданно быстро поняла меня, словно к ней чуть ли не каждый день являлись с визитами литературоведы и филологи.

– Да, я Нина Ивановна, внучка того самого писателя, – спокойно кивнула она. – Что ж, проходите. Не хотите ли чаю? Я как раз собиралась пить чай с вареньем. Вы какое больше любите?

– Вишневое, – сказала я, вдруг почувствовав себя почти

как дома.

– Без проблем, – тихо прошелестела она.

Мы расположились на веранде – самовар как раз вскипел, и я стала рассказывать Нине Ивановне о себе – чем занимаюсь, откуда у меня ее адрес... Она слушала меня благосклонно, кивала головой, потом сказала, что хорошо знает Викентия Петровича, поскольку племянница одного живет за соседним забором. Словом, мы очень быстро расположились друг к другу. Варенье было выше всяких похвал.

– Я долго ждала, что кто-нибудь придет насчет наследия моего покойного дедушки, – сказала Нина Ивановна. – В самом деле, что мне делать с его бумагами? Выбросить жалко, отдать в какой-нибудь музей – так я не знаю, в какой, как именно это делается... Хотя, мне кажется, особой ценности в документах нет. Старые письма, черновик его романа. Андрея Дмитриевича Калугина то есть. Да и не бог весть каким гением он был, если не во всякой энциклопедии его имя можно найти...

– Узким специалистам он хорошо известен, – поспешила вставить я.

– Ну, разве что узким... – махнула рукой старушка. Она выглядела очень опрятной, чистенькой, и от нее ощутимо пахло какими-то старыми духами – то ли «Вечерней Москвой», то ли еще чем-то подобным... Она мне очень нравилась, в ней было то рассудительное спокойствие, которое нынче редко в ком встретишь.

– Черновик романа «Бледный ангел»? – переспросила я.

– Да, сейчас принесу...

Это уже было удачей – поскольку мне в архивах попался сокращенный вариант, какие-то отрывки.

Нина Ивановна притащила кучу бумаг, и я принялась копаться в них. Множество писем, и среди них, кажется, одно (о, несомненная удача, если я не ошибалась!) принадлежало перу Максимилиана Волошина, а другое было посланием Александра Блока. А вот и роман Калугина – стопка пожелтевших страниц текста с дореволюционным правописанием.

– Отлично, – сказала я, с наслаждением перебирая бумаги. Они представляли несомненный интерес. Особенно для меня.

– Вот и хорошо, – благодушно кивнула старушка. – Забирайте себе. На здоровье.

– Как?! Вы отдаете мне все это? Вот так, просто...

– Вот так, просто. Мне-то оно зачем? А вам как специалисту очень даже пригодится. У меня пропадет, окажется на свалке рано или поздно, а вы сохраните, найдете применение. Что нужно, отдадите в музей какой-нибудь...

– Спасибо, что вы мне доверяете, – покраснела я.

– Да не за что! – махнула она рукой.

В это время на перила веранды шлепнулось несколько тяжелых капель.

– Дождь, – задумчиво произнесла Нина Ивановна. – И наверняка затяжной. Как незаметно прошло лето...

– Да, – растерянно произнесла я. – А я зонтик забыла...

– Ну, это ерунда, – великодушно сказала моя старушка. –

Переждите дождь здесь, я же вас не гоню...

Нина Ивановна пригласила меня в дом, но я отказалась – было так приятно и грустно смотреть на сад, который поливал августовский дождь. Тогда она зажгла свет на веранде, принесла мне теплую шаль, которая тоже пахла духами времен соцреализма.

– Хотите наливки? – вдруг предложила хозяйка. – У меня есть рябиновая, прошлого года... Очень хорошо согревает.

– А давайте! – решила я пуститься во все тяжкие.

Нина Ивановна принесла бутыль из толстого темного стекла, и мы вместе выпили по рюмочке, глядя на темнеющий сад. Она рассказывала о своих родителях, потом о раннем детстве. Темнело, мошки вились вокруг лампы. Дождь немного стих. Нина Ивановна перешла в своем повествовании к событиям ее молодости, заговорила о первом знакомстве с покойным мужем.

– Господи, уже поздно! – спохватилась я. – Я, пожалуй, пойду...

Где-то далеко шумели электрички.

– Дело ваше, конечно... – заволновалась моя собеседница. – Но, может быть, вы останетесь? Одиннадцатый час... Если честно, мне страшно отпускать вас одну. Я бы вас проводила до электрички, но, боюсь, не дойду...

– Вот еще, провожать меня!

И тут, как назло, снова припустил дождь. Сад стоял темный и мокрый, и мне вдруг стало страшно выходить в него.

– Оставайтесь, – решительно произнесла Нина Ивановна. – Комнат у меня много, переночуете. В прихожей телефон – позвоните, предупредите своих домашних.

– Мне некого предупреждать, – призналась я. – У меня никого нет.

Старушка несколько раз моргнула, словно ей было жаль меня, сиротинушку, а потом сказала, как будто оправдываясь:

– Ну, это ничего... А у меня вот только сын есть.

– Но живет он не с вами? – спросила я.

– Снимает квартиру в городе и большую часть времени проводит там. Он поет...

– Певец? Это здорово...

Я представила элегантного мужчину, певца, артиста.

– Да как сказать... Саша поет в ресторане.

– Ну, неплохая профессия, – великодушно произнесла я. Представительный баритон в моем воображении тотчас же трансформировался в ресторанного Орфея, ведущего довольно сомнительный образ жизни. Если бы этот Саша был здесь, я бы ни за что не осталась ночевать. Мне почему-то ужасно жаль стало Нину Ивановну, хотя ничего плохого про своего Сашу она не сказала.

Мы посидели еще немного на веранде, а потом дружно решили, что пора спать. И в тот самый момент, когда мы уже

поднимались из-за стола, невдалеке раздался шум мотора. Кто-то явно собирался заехать во двор к Нине Ивановне.

– Надо же, Саша приехал, – удивленно сказала она. – Обычно он только в выходные появляется... Но вы не волнуйтесь. У меня замечательный сын, его присутствие никак не должно вас беспокоить...

А я вдруг действительно забеспокоилась, кляня себя за беспечность. И даже всерьез подумала о том, ходят ли еще электрички и не успею ли я на последнюю. В самом деле – оказаться ночью в незнакомом месте, среди незнакомых людей...

Машина заехала во двор. Погасли фары, хлопнула закрываемая калитка. Из темных кустов вышла темная фигура.

– Мама, ты как? – раздался на редкость приветливый голос. – Зачем ты на веранде сидишь – ведь холодно после дождя и сыро...

Фонарь на веранде осветил сына Нины Ивановны – мужчину лет тридцати в черном костюме и белой рубашке, с идеальным пробором в волосах. И он улыбался. Как ни странно, вид его меня сразу же успокоил – наверное, причиной тому была его безукоризненная внешность. Мужчина в таком костюме и с такой прической просто не способен совершить плохой поступок.

– Саша, познакомься – это Лиза, – спокойно произнесла моя старушка. – Сегодня волею судеб она у нас...

Тут он заметил меня и вздрогнул. Видимо, он никого не

ожидал здесь застать.

– Лиза, это мой сын, о котором я вам рассказывала...

– Добрый день... то есть вечер, – растерянно пробормотал тот.

– Даже ночь, – поправила я.

– Ну да, уже ночь...

Мужчина тряхнул головой, и прядь волос упала ему на лоб, нарушив идеальную прическу, и сразу он стал моложе и словно беззащитнее. Он был немного похож на какого-то голливудского актера и с каждой минутой нравился мне все сильнее. «Что за глупости! – одернула я себя. – Кто он? Ресторанный певец! Может, он пьет и вообще... ведет антиобщественный образ жизни. Кажется, так говорили раньше... Может, он только к матери является таким примерным мальчишкой! А я, дурочка, уже пытаюсь представить, как мы с ним будем смотреться со стороны».

– Лиза останется у нас на сегодня, – сказала Нина Ивановна. – Дождь...

– Да-да, сильный дождь! – торопливо произнес ее сын, поднявшись на веранду и стряхивая с плеч пиджака капли. – Я еле добрался... А завтра, если вы не возражаете, я провожу вас, Лиза.

Нина Ивановна вознамерилась показать мне комнату, в которой мне предстояло провести ночь, но ее сын произнес вроде бы огорченно:

– Как, вы уже ложитесь? Я, признаться, посидел бы с ва-

ми... Мама, ты достала наливку? Это чудесно, я бы тоже с вами выпил...

«Точно, алкоголик... Хотя почему я так о нем думаю? Почему я вообще о нем думаю?»

Я решительно отказалась от каких бы то ни было посиделок и отправилась вслед за Ниной Ивановной.

Комната, которую она мне отвела, была очень уютной – впрочем, в этом доме все было уютным и носило отпечаток того рассудительного спокойствия, каким внучка писателя Калугина обладала в полной мере.

Книжный шкаф с собраниями сочинений классиков – корешки, хоть и позолоченные, но сильно потертые. В этом доме явно читали книги, что мне, как человеку, близкому к литературе, очень импонировало. Напольные часы, кровать с шишечками... Безукоризненно чистое белье пахло любимыми духами Нины Ивановны.

Я накинула с внутренней стороны на дверь крючок – но сделала это скорее из каких-то принципиальных соображений, чем действительно беспокоясь о своей безопасности, и приготовилась погрузиться в сладкий сон.

Но не спалось...

В доме уже давным-давно все затихло, и даже дождь перестал стучать о карниз, а я все таращила глаза в темноту и пыталась понять, почему я оказалась в этой комнате. Вот просто так приехала и... осталась здесь ночевать. Самым удивительным было то, что мне здесь очень даже нравилось. Да,

мелькнули какие-то сомнения, но тут же исчезли. Даже сын Нины Ивановны не вызывал во мне отторжения.

И этот сад за окном...

Нет, он совсем не страшный ночью – он таинственный. Он пахнет сыростью и свежестью, яблоками и уходящим августом. Я всегда мечтала иметь такой сад.

Закутавшись в длиннейшую шаль хозяйки, я встала, подошла к окну. Половинка луны плыла в прозрачных тучах, и было непривычно – для меня, жительницы городского центра, – тихо.

Босиком, боясь разбудить хозяев, я прокралась по темному коридору, пропитанному вкусным запахом старого, давно обжитого дома, и опять вышла на веранду. Странно, но холодно не было.

Я забралась с ногами на стул, закуталась в шаль еще плотнее и залюбовалась ночным садом. Я решила, что спать сегодня вообще не буду.

Где-то глухо, едва слышно, часы пробили три раза. «Надо будет рассказать Аглае об этом приключении, – подумала я. – Ну да, в моей жизни так мало событий, что поездка сюда, ночевка в чужом доме настоящее приключение для меня».

И в этот самый элегический момент, когда я просветленным взором смотрела на половинку луны в тучах, рядом скрипнули половицы.

– Вам не спится? – шепотом спросил меня сын хозяйки. В лунном свете Саша выглядел бледным, точно покойник.

Вероятно, я тоже выглядела не лучше.

– Да, – прошептала я в ответ. – Вам от меня столько беспокойства...

– Господи, да что вы... – Он даже поперхнулся от избытка чувств и закашлялся. – Как вы можете так говорить! Мы с мамой очень рады, что кто-то заинтересовался нашим архивом... Мама немного рассказала мне о вас – это ничего?

– Конечно, ничего, – с удивлением произнесла я. – Должны же вы знать, кого приютили под своей крышей!

– Вы занимаетесь литературным исследованием, это так здорово... А я немного пою.

– Где?

– В клубе «Дель Арт», это в районе Солянки... Никогда не были там?

– Нет, – покачала я головой.

– Я вас приглашаю, Лиза. Я там через день.

– Обязательно, – пообещала я, хотя знала, что вряд ли туда отправлюсь. – А что вы поете? Ну, какой у вас репертуар...

– Вот придете и узнаете, – загадочно ответил Саша.

И уселся в соседнее кресло.

– «Дель Арт»... – пробормотала я. – Значит, уж точно не в стиле кантри...

– Да уж! Только зачем гадать... Не хотите ли еще рюмочку? Мама оставила здесь на столе наливку.

– Хочу.

«В общем, какая разница, что он в кабаке поет... Можно подумать, я – принцесса крови!»

Мы выпили сладкой наливки и принялись теперь уже вместе созерцать ночное небо.

– Я так странно себя чувствую... – вдруг произнес он, не поворачивая ко мне лица. – Ехал к маме и совершенно никого не ожидал здесь застать...

– Я уже извинилась за беспокойство! – немного обиженно заметила я.

– Я не о том... Я хочу сказать, что это чудо и что я почему-то никак не мог заснуть. Я думал о вас.

– Обо мне?

– Да. Если я вас пугаю, я не буду об этом говорить.

Меня это совершенно не пугало. Даже более того – мне это нравилось. Я так и ответила:

– Пожалуйста, продолжайте.

– А вдруг это любовь с первого взгляда? – с веселым недоумением произнес он.

Он был таким милым... Или, может быть, под влиянием этой ночи он казался мне милым? Но я вдруг в том же духе ответила:

– Что ж, вполне может быть.

Луна куда-то спряталась, и стало темно. Так темно, что происходящее стало казаться мне сном. Может, я действительно сплю? Я протянула руку и в темноте прикоснулась к его плечу. Он отозвался мгновенно – схватил мою ладонь и

прижал ее к губам.

«Господи, что я делаю... – с ужасом и восторгом подумала я. – С первым встречным! Нет, Аглае этого никак нельзя рассказывать, она будет обо мне плохо думать...»

– Вам холодно... – едва слышно произнес он. – Идите ближе...

Каким-то непостижимым образом в следующее мгновение я оказалась у него на коленях. У него были мягкие волосы, и они пахли мятой. Он был такой теплый!

Что произошло дальше, я не в силах описать. Мне нет оправдания! Знали бы мои студенты, сколь неприлично ведет себя их преподавательница... Если бы Викентий, наш бог-громовержец, видел меня в эту минуту... Если бы Аглая, почтенная мать семейства, услышала о том, на что способна ее коллега... В общем, я стала близка с совершенно незнакомым мне человеком.

Но чем невозможней казалось мне происходящее, тем острее было наслаждение. Не знаю, сколько времени все это длилось – наверное, долго.

– Правда, чудо... – прошептал человек, у которого я была на коленях. – Хотя у меня было предчувствие, что сегодня непременно что-то должно произойти... Лиза! Ты мне не снишься?

– Очень может быть, – дрожащим голосом ответила я, боясь, как бы не отказало сердце – оно трепыхалось в груди, как сумасшедшее. – А мы уже на «ты»?

Он засмеялся:

— После всего, что между нами было, я вообще как честный человек обязан на тебе жениться.

— Ты — честный человек?

— Да, я честный человек. Но это неважно.

— А что — важно? — спросила я, не в силах оторваться от него. Он был такой теплый, он пах мятой, его волосы хотелось все время гладить!

— Ничего не важно... Плохо только, что скоро утро. Я пойду к тебе!

— Вот еще! — спохватилась я. — Да я сгорю со стыда, если Нина Ивановна утром обнаружит тебя в моей постели!

— Я же говорю — ничего не имеет значения, кроме... Лиза, ты же филолог, вырази это словами!

— Нет, потом... — сказала я, не вкладывая в слово «потом» никакого смысла.

* * *

Спать я так и не легла. Едва только забрезжил рассвет, я быстро собралась, на клочке бумаги написала Нине Ивановне благодарственную записку, туманно сообщив, что «о результатах исследования сообщу дополнительно», и смылась по-английски из этого милого дома.

Села на первую, раннюю, почти пустую электричку и уехала в Москву.

Стоит ли говорить о том, что я ни о чем не могла думать, кроме как о той ночи. Мне почему-то казалось, что все происшедшее не про меня, что оно – лишь эпизод из какого-то кинофильма. Случайность, которой не стоит придавать значения. Что же касается Саши, то для него оно, как и для всякого мужчины, обычная история. Спасибо ему, что он за столь короткое знакомство умудрился признаться мне в любви. Все было красиво – ночь, сад, и слова любви, и сама любовь.

Чтобы немного отвлечься от своих мыслей, я принялась читать рукопись, которую дала мне Нина Ивановна.

* * *

...Дмитрий Петрович Калугин был известным московским адвокатом. Хотя имя Дмитрия Петровича не гремело, вызывая ажитации вроде той, которая следовала за именами Плеве или Кони, – нет, совсем нет, но он был, безусловно, популярен, поскольку числились на его счету пара громких процессов, которые моментально стали известны среди либерально настроенной части населения.

Во-первых, он оправдал доктора Самойленко, работавшего в земской больнице под Тверью. Самойленко при помощи большой дозы морфия отправил в мир иной крестьянина той же Тверской губернии Василия Цыбина, страдавшего от неизлечимой опухоли мозга. Самойленко совершил этот акт

гуманного убийства по просьбе самого Цыбина, который в противном случае грозился сотворить над собой смертный грех, поскольку страдания его были невыносимы.

Дмитрий Петрович сумел доказать, что недуг Цыбина был в последней стадии и никакие прочие светила от медицины не могли бы его излечить. Да и о каких светилах могла идти речь, когда Цыбин, занимаясь крестьянским трудом, не имел никаких капиталов, чтобы обратиться к их помощи! К тому же небольшие средства земской больницы, которая существовала благодаря пожертвованиям, не позволяли облегчить страдания больного.

Речь Дмитрия Петровича на последнем заседании имела оглушительный успех, публика в зале рыдала, а доктор Самойленко предстал в ореоле мученика от медицины, спасшего своего пациента от неизбежного самоубийства. Присяжные единогласно вынесли Самойленко оправдательный приговор. И хотя духовенство решительно осудило этот приговор, а сам Самойленко лишился практики, процесс имел широкий резонанс. Радикально настроенная молодежь рукоплескала Калугину и его подзащитному, утверждая, что любой человек свободен в выборе жизни или смерти.

Консервативно же настроенная часть населения говорила о том, что никто не вправе распоряжаться человеческой жизнью, ибо это прерогатива бога, и только, и свой земной путь страданий каждый обязан пройти до конца.

Вторым громким успехом Дмитрия Петровича был

оправдательный приговор Лиде Качалиной, после окончания гимназии поступившей на работу машинистки в контору предпринимателя Сабанеева, занимавшегося меховым оптом.

История бедной Лиды была проста и печальна. Она и ее мать, вдова поручика Качалина, существовали на скромный пенсион. Всю жизнь Лида мечтала помогать матери и поэтому возлагала большие надежды на свою работу, которую по тем временам не так легко было найти. Место машинистки в конторе Сабанеева с окладом в двадцать пять рублей ежемесячно показалось ей настоящим подарком судьбы.

Увы, но надежды девушки не оправдались, наглый предприниматель стал склонять девушку к сожителству. Делал он это с методичной настойчивостью, грозя публичным скандалом и лишением честно заработанных средств. Сабанеев заявлял, что после уже девушка не сможет найти ни одну приличную работу – он с его связями обещал это легко устроить.

В отчаянии Лида бросилась на него с ножом для разрезания бумаги и сумела легко ранить. В процессе следствия, когда Лида была заключена под стражу, выяснилось неблагоприятное поведение Сабанеева, шантажировавшего бедную девушку. Нашлись свидетели, готовые подтвердить ее показания. Сабанеев почувствовал себя в ловушке и попытался симулировать серьезность нанесенных ему ран, якобы у

него были задеты жизненно важные органы. Но специально назначенная медицинская экспертиза этого факта не подтвердила.

Первоначально Лиде Качалиной грозила позорная гражданская казнь и несколько лет каторги, но благодаря усилиям Дмитрия Петровича она тоже была оправдана. Единственной неудачей было то, что не удалось привлечь к суду Сабанеева. Но – «мне отмщение, и аз воздам!» – так написано в Библии, ни одно преступление не может остаться без наказания. Негодяй Сабанеев получил по заслугам – его жена вскоре начала громкий бракоразводный процесс, в результате которого предприниматель лишился части своего капитала, честного имени, и ко всему прочему его разбил паралич, в результате которого он уже в принципе не мог интересоваться молоденькими особами...

После этого дела за Дмитрием Петровичем толпами ходили дамы и девицы, посылали ему цветы и восторженные записочки, в которых говорилось о том, что отныне вся женская половина населения Российской империи чувствует себя защищенной.

Дмитрию Петровичу было всего сорок четыре года, семимильными шагами он шел к славе и богатству...

У него была семья – жена и пятнадцатилетний сын Андриюшенька, в котором он души не чаял, чрезвычайно талантливый и милый мальчик.

Жена адвоката была замечательной красавицей, но со

странностями, как считалось в обществе. Многое ей прощалось за необыкновенную красоту и свободный, не стесненный никакими условностями характер, но большинство местных кумушек так и не смогло успокоиться, видя, что Зинаида Александровна Калугина не признает корсетов и не укладывает свои волосы на манер китайской пагоды или восточной фи́ги, как было в то время принято. Она ходила с распущенными волосами, подобно святой Цецилии, и в платьях свободного покроя, изобретенных ею самой. Впрочем, отсутствие корсета ничуть не портило ее – талия у Зинаиды Александровны была такой, что любая записная модница позавидовала бы.

Любили они все друг друга чрезвычайно, до исступления, и дня друг без друга не могли прожить. Андрюшенька был примерным и почтительным сыном, а Зинаида Александровна и Дмитрий Петрович вели себя на манер тех самых голубков из старинного романса, что «никогда не ссорятся». Даже почитательницы адвокатского таланта главы семейства не могли потревожить сей небесный альянс.

Но человек предполагает, а бог располагает – не могут вечно царить на земле мир и идиллия, нет-нет да и нарушает всеобщее благорасположение какое-нибудь бедствие вроде чумы, мора, войны или обычной инфлюэнцы. Никто не мог предположить, что празднование Нового года вкупе с ожиданием двадцатого столетия окажется столь роковым для семейства Калугиных.

Как всегда в сочельник, в их доме собралось много народу – устроили маскарад, танцевали, в таперы взяли известного пианиста, прославленного на всю Москву. Зинаида Александровна была особенно прекрасна в образе Феи грядущего. Было шумно и весело, но после боя часов, ознаменовавших, что Новый год и новый век наступили, Зинаиде Александровне нестерпимо захотелось побыть хоть минуту наедине со своим мужем, чтобы сказать тому слова любви и признания, которые теснились у нее в груди.

Разгоряченные танцем, они выскочили на открытый балкон. Ночную Москву освещала праздничная иллюминация, где-то вдали трещали и брызгали разноцветными искрами фейерверки, падал снег, и было так хорошо, что Зинаида Александровна довольно надолго растянула свою поздравительную речь.

– Милая, я тебе очень благодарен, – признательно ответил Дмитрий Петрович и нежно поцеловал руку своей супруги. – Я тоже надеюсь, что век двадцатый окажется счастливым для нас и для всех прочих... Я буду любить тебя еще сильнее, хотя сильнее, кажется, уже невозможно.

– Милый мой, – прослезилась Зинаида Александровна и стряхнула с шевелюры Дмитрия Петровича несколько снежинок. – Ты прав – сильнее уже невозможно. Я буду счастлива и половиной того, что у меня уже было...

Они вернулись в общую залу и продолжили веселье.

На следующее утро Дмитрий Петрович почувствовал се-

бя нехорошо. Он весь день провел дома, отложив визиты, ку-
тался в стеганный атласный халат и немного капризничал,
требуя себе то горячего чая с лимоном, то водки с перцем.
Зинаида Александровна удовлетворяла все прихоти своего
простуженного мужа, называла его «мой медвежонок», ку-
тала его ноги в теплый плед и смущенно ругала себя за вче-
рашнюю неосмотрительность.

— Знаешь, это я виновата, — говорила она. — Не стоило
нам выходить на балкон — все-таки ты был разгорячен по-
сле танцев...

— Пустое, пройдет, — отмахивался Дмитрий Петрович. —
Обычный насморк, не стоит тревожиться...

На следующий день он уже не шутил, и не капризничал,
и с постели не вставал. Похоже, простуда взяла свое. На
третий день был приглашен известный профессор Шредер.
Зинаида Александровна уже начала беспокоиться и два раза
принималась плакать, запершись у себя в спальне. Впрочем,
Шредер ничего опасного не нашел и заметил, что по городу
ходит инфлюэнца.

— Здоровье у вашего мужа крепкое, он легко перенесет эту
простуду, — сказал он. — Но понаблюдать надо...

Шредер был и на второй день, и на третий. И каждый
день его лицо становилось все недовольнее, словно Дмитрий
Петрович разочаровывал его сильнее и сильнее. Через пять
дней созвали консилиум, и убитой горем Зинаиде Алексан-
дровне было объявлено, что у ее мужа простуда осложни-

лась крупозным воспалением легких...

Она не отходила от мужа, не спала и не ела почти, каждая минута ее была посвящена непрерывной неумолчной молитве о его здравии, но бог словно не слышал ее.

К концу второй недели нового столетия Дмитрий Петрович умер.

Это было столь внезапно и несправедливо, что Зинаида Александровна как будто помешалась. Она вдруг представила свои дни без мужа, без его любви и обожания, без забот о нем, она представила, каким невыносимым и бессмысленным будет ее жизнь без него, и наказание показалось ей страшнее преступления.

Тогда она, всю жизнь считавшая себя православной христианкой, взяла из стола мужа пистолет и выстрелила себе в сердце. Тело Дмитрия Петровича не успело еще остыть, когда Зинаида Александровна была тоже мертва.

Это были страшные для Андрюши дни – в доме стояло два гроба, в один миг он лишился обоих родителей.

Участие в судьбе осиротевшего отрока принял Кирилл Романович Померанцев, известный театральный деятель, близкий друг покойного адвоката. Он взял мальчика под свою опеку, он же сумел убедить всех в том, что самоубийство Зинаиды Александровны произошло из-за приступа внезапного помешательства. С помощью уговоров и больших денежных пожертвований на нужды церкви он добился того, что тело покойной отпели и похоронили рядом с му-

эжем.

Андрей остался один на всем белом свете. Поначалу он ничего не понимал, оглушенный трагедией, не осознавал того, что отныне у него начинается совсем другая жизнь, что весь его прежний сказочный детский мир разрушен. Он даже не понял, как ему повезло, что он оказался в семье Померанцевых – людей замечательных, великодушных и талантливых. Кирилл Романович руководил театром, его жена, Мария Ивановна, вела домашнее хозяйство, старшая дочь училась в немецком университете, мечтая о славе Софьи Ковалевской, а младшая была еще гимназисткой, годом младше Андрея.

Когда Андрей попал в дом Померанцевых, младшей дочери, Евдокии, тоже не было дома – она гостила у тетки, в Одессе. Она приехала в Москву в середине февраля – именно тогда, когда Андрей потихоньку стал приходить в себя и происходящее вокруг стало доходить до его сознания. Острая, почти нестерпимая боль еще не вполне отступила, но молодой, здоровый организм стал уже выпутываться из тенет черной меланхолии.

Когда Андрей начал словно бы пробуждаться ото сна, обращаясь к новой жизни, появилась Дуся Померанцева.

То есть он знал, что Дуся скоро придет. Кирилл Романович не раз говорил ему, что скоро он обретет товарища для игр, ибо дочь его такое веселое и жизнерадостное создание. Но Андрей как-то не отдавал себе отчета, кто и что

такое эта самая Дуся, она в его сознании была чем-то вроде смутного призрака, как нечто нереальное и несуществующее.

В субботу Померанцев поехал встречать ее на вокзал. А встретив, привел в кондитерскую, чтобы рассказать Дусе о судьбе несчастного сироты. Отец с дочерью сидели за столиком, но пирожные на блюдечке у Дуси так и остались нетронутыми. Она не могла их есть – словно ком стоял в горле...

На город опускались ранние зимние сумерки, белый снег лежал покрывалом на заднем дворе, Андрею из окна было видно, как скачут по черным деревьям галки, и сквозь заколоченные ставни иногда доносились их сварливые вопли. И вдруг на миг, перед самым закатом, из-за плотных серых облаков выглянуло солнце и залило оранжевым ярким золотом и снег за окном, и деревья, и галок.

В этот самый момент в передней звякнул колокольчик. Горничная Дуняша и старая нянька Агафокля бросились наперегонки открывать, из своей комнаты, причитая и вскрикивая, выскочила Мария Ивановна, пес Вертер принялся выть, а три сонные кошки – Аврора, Юнона и гордая персиянка Вампука – разом вытаращили глаза и бросились под диван.

«Что случилось? – подумал Андрей, продолжая смотреть в окно. – Ах да, кто-то должен сегодня приехать...»

Потом он услышал голоса – вскрикивающие, умиленные,

восторженные, увещающие, – и среди этого шума и гама, среди всей какофонии внезапно прорезалась какая-то новая, незнакомая нота. В передней еще долго возились, топали ногами, потом Дуняша побежала ставить самовар, в столовой стали накрывать на стол.

Сзади хлопнула дверь. Андрей обернулся и увидел невысокую тоненькую девочку, черноволосую, с румянцем до самых висков. Глаза у нее были темные, огромные, горевшие таким пронзительным светом, который бывает только у мадонн на картинах старых мастеров.

– Андрей? – вопросительно произнесла она. – Вы... нет, ты... ты теперь как брат мне!

Она хотела еще что-то сказать, но не смогла. Впрочем, он понял ее порыв – почти все, кто видел его после ужасной трагедии, произошедшей недавно, обращались к нему с подобным выражением на лице.

– Андрей, я для вас... я для тебя все что хочешь...

Она не выдержала, бросилась к нему на шею. Слегка нагнувшись, Андрей позволил себя обнять. Руки у нее были ледяные, а щеки горели точно огонь.

– Дуся? Очень ждали... я тоже рад.

В комнату заглянул Кирилл Романович.

– Познакомились, да? Ну и славненько! Дуняша, как там чай?

Дуся прошептала Андрею на ухо:

– Мы ведь будем дружить? Мы подружимся навсегда, до

самой смерти... У меня есть Майн Рид и еще Фенимор Купер... Ты любишь про индейцев читать? Все мальчишки любят!

— Люблю, — покорно сказал Андрей. Порыв девочки ничуть не покоробил его, даже более того — он печально умилился ее сочувствию и даже мысленно поклялся себе, что никогда и ничем не обидит ее.

Они пошли пить чай, Дуся рассказывала о своем путешествии к тетке, время от времени обращая к Андрею свой пронзительный взор, и он едва заметно улыбался в ответ.

Вечером, ложась спать, он впервые после смерти родителей вдруг ощутил себя если не счастливым, то по крайней мере не несчастным, словно лучик солнца, увиденный им перед закатом, остался в его сердце навсегда. «Это все Дуся, — подумал он, засыпая. — Дуся — хорошая...»

Прошлое медленно таяло вдали, делаясь призрачным, а Дуся становилась реальностью. Они очень подружились.

Потом была Масленица, после нее — Великий пост. Дни текли скромно и тихо. На Пасху Москва преобразилась... Тогда Андрей впервые поцеловал младшую Померанцеву, поцеловал чистым братским поцелуем, и слова «Христос воскрес» обрели новый смысл. Христос действительно воскрес, потому что Андрей увидел его везде. Любой предмет или явление окружающего несли в себе свет и тихую радость.

Они ходили в разные гимназии, но по вечерам всегда соби-

рались вместе, Андрей помогал Дусе делать домашние задания. Дуся не была сильна в точных науках, а дробы для нее вообще являлись тайной о семи печатях...

Он сопровождал ее к Любочке Астаховой, жившей на Воздвиженке. Любочка была Дусиной подругой, они учились вместе и вместе, стыдясь и скрывая свое занятие, играли в куклы. Андрей в это время сражался в шахматы с Любочкиным братом Борей, гимназистом младших классов.

Иногда Померанцев брал Дусю и Андрея к себе в театр. В театре все было странно и не по-настоящему, пахло как-то необычно – гримом и пыльным занавесом, в полутемных закоулках за сценой прятались бутафорские колонны. Особенно интересны были репетиции, когда режиссер кричал на актеров, добываясь достоверности в поведении.

– Ну, Дусенька, актрисой будешь? – не раз спрашивали ее в театре знакомые отца, на что она, надув щеки, отвечала туманно, что еще не решила.

У нее были две заветные мечты – стать великой путешественницей, как Кортес или Васко Нуньес Бальбоа, или прославиться как знаменитый ученый. Правда, в какой именно области, она тоже еще не решила.

Но в домашних спектаклях она играла, и играла очень мило, – у нее были способности к перевоплощению, и она даже умела плакать, если того требовала роль.

В начале лета Мария Ивановна увезла детей на дачу (у Померанцевых было небольшое имение под Москвой, назы-

вавшееся Березки), а глава семейства отправился на гастроли со своим театром.

В Березках имелись сад, оранжерея, неподалеку располагалось старинное кладбище, был также живописный пруд – словом, все условия для того, чтобы влюбиться.

На даче всегда находились толпы народа – соседи Померанцевых, приезжали знакомые из Москвы, какая-то дальняя родня... Бренчали на рояле, веселились, дети играли в индейцев и новомодный крокет, под который специально была отведена целая поляна. Ходили в лес за грибами и ягодами, молодежь устраивала пикники – аукали и кричали так, что в скором времени распугали птиц и прочую мелкую живность, которая в этих местах водилась.

Именно в то лето Андрей понял, что влюбился. Нет, даже не так – он с возрастающим ужасом и восторгом открыл для себя, что полюбил Дусю Померанцеву, дочь своих покровителей. Полюбил навсегда, до смертных мук, до полного забвения всего...

День, когда он признался ей, тоже навсегда запомнился ему.

В конце июня на даче появился художник Карасев – довольно известный, модный, который очаровал всех дачных дам. Он, как и любой гений, вел себя несколько капризно, много говорил и страдал от отсутствия темы.

– Дайте мне тему! – вздыхал он. – Я же не могу вдохновиться на пустом месте, мне непременно нужна тема!

– Нарисуйте лес, – говорили ему. – Нарисуйте наш пруд.
– Это все избито, затасканно! – капризничал Карасев. –
Эти леса и пруды всем приелись, на любой выставке девяносто процентов картин – леса и пруды. Причем живописные до тошноты!

В конце концов, местная публика придумала себе развлечение – найти для Карасева подходящую тему. Всякий, заметив нечто интересное, бежал к нему с радостной вестью. Карасев ломался, пускался в критику, но в результате, после тщательного отбора из предложенных сюжетов, у него появилось несколько набросков.

Старая тетка Померанцевых, которую вывозили в сад на кресле-каталке, мертвая белка на подоконнике, туманный вечер на площадке для крокета – вот несколько сюжетов, на которых остановил свое внимание Карасев. Но все равно что-то продолжало мучить его.

– Нарисуйте Дусю, – предложила тогда Мария Ивановна.

– Дусю? – пожал плечами художник. – Милое дитя, но почему именно ее...

И общество, которое собралось на веранде вокруг капризного гения, принялось придирчиво смотреть на Дусю, которая в это время бегала вокруг большой клумбы и ловила бабочек руками, совершенно не замечая того, что оказалась в центре внимания.

– А что? – сказал после некоторого раздумья Карасев. – Вы правы, Мария Ивановна, Дуся вполне дотягивает до те-

мы. В ней есть что-то такое...

— Инфернальное, — неожиданно подсказал басом молодой кадет из соседей, до сих пор молчавший. Он ужасно хотел, чтобы все считали его взрослым и умным.

— Почему же инфернальное? — возмутился Карасев. — Наоборот, я вижу в Евдокии Кирилловне нечто совершенно противоположное...

Карасев заставил Дусю позировать ему каждое утро, ближе к полудню. Она распускала и расчесывала свои длинные волосы и в легком белом платье усаживалась посреди цветущего луга.

Общество с интересом наблюдало за сеансами рисования. Правда, сначала Карасев хотел посадить Дусю прямо посреди той самой клумбы, но садовник Платон Макарович поднял такой крик, что пришлось отступить от первоначального замысла.

Все смотрели на Дусю, хвалили ее, находили выбор Карасева очень удачным, а Андрей, наблюдавший за процессом, страдал от ревности. И именно тогда, когда он почувствовал ревность, он понял, что любит Дусю. Она не должна была принадлежать всем, она должна была принадлежать только ему.

Он и раньше, когда его чувства к Дусе еще не переходили братско-дружеских границ, догадывался, что она хорошенькая, что в ней есть все, чтобы впоследствии сводить с ума мужскую половину человечества, но сейчас убедился,

что она больше чем красива.

Давеча кадет Михайлов назвал ее внешность инфернальной, а Карасев решительно не согласился с таким термином. И Андрей тоже для себя решил, что в Дусе нет ничего мрачного, демонического, исступленного, что она вся – свет и принадлежит больше небу, чем земле.

У нее были очень густые, слегка выующиеся волосы, близкие по цвету к тому оттенку, что называется в народе «воронovým крылом». Но на ярком солнечном свете они вдруг вспыхивали красными искрами, искры пробежали по выбивающимся из косы тонким прядям, отчего определенно казалось, будто вокруг Дусиной головы горит небольшой нимб.

Брови вразлет, горячие темные глаза, извивистый контур губ, нежнейшая, сочетающая в себе свойства атласа и бархата кожа, ямочки на щеках, которые появлялись при каждой улыбке...

То, что Дуся красавица, становилось особенно понятным тогда, когда она позировала Карасеву с распущенными волосами, в легком газовом платье, которое явно подчеркивало контуры ее безупречного девичьего тела. Даже Карасев менялся, когда торчал перед мольбертом, запечатлевая свою «тему» на холсте, – привычные ирония и надменно-капризный тон слетали с него, точно шелуха, он становился беззащитным и одновременно сильным. Первое время он требовал, чтобы Дуся сидела абсолютно неподвижно, но после третьего сеанса разрешил ей вертеть головой и разговари-

вать.

— Главное я уже обозначил, — сказал он. — Теперь вы, милое дитя, можете немного расслабиться.

— Ну слава богу! — шумно вздохнула Дуся, обращаясь к Андрею, который всегда присутствовал на этих сеансах. — А то у меня шея затекла. А вчера был такой случай — я, правда, никому не рассказала, — по руке ползла божья коровка, очень щекотно! Я чуть не умерла, но вытерпела эту пытку, пока она не улетела, — боялась, что Иван Самсоныч меня заругает...

Иваном Самсоновичем звали надменного Карасева.

— Ты как Муций Сцевола... — кивнул Андрей. — Помнишь, из древней истории?

— Помню, — ответила Дуся. — Иван Самсонович, а почему божья коровка называется божьей коровкой?

Карасев стал ей говорить что-то шутовское, а Андрей именно в этот момент решил жениться на Дусе. Он удивился, как до сих пор ему в голову не приходила очень простая и снимающая все его муки мысль — ведь если Дуся будет его женой, то ни-кто уже не отнимет ее у него. Она будет только его — до тех пор, пока смерть не разлучит их. И именно тогда он понял и простил свою мать, которая и часу лишнего не захотела задерживаться на этом свете, в котором уже не было Дмитрия Петровича.

После обеда в имении Померанцевых часа на два устанавливалась тишина — залитый солнцем сад замирал, и стано-

вилось слышно, как гудят имели над цветами. Пес Вертер прятался в свою будку, построенную в духе готической архитектуры, что являлось вечной темой для шуток, ни один гость не мог спокойно пройти мимо этой будки, а кошки исчезали куда-то. Мария Ивановна читала лежа в гамаке, скрытая в тени деревьев, остальные просто-напросто отпавлялись спать.

«Фиеста, – сообщил кадет Михайлов. – Такое время суток называется фиестой у латиноамериканских народностей».

«Сиеста, – поправил Карасев. – И пошло сие, по-моему, не от латиносов, а от испанцев. А вообще, сон после обеда – любимое времяпрепровождение старосветских помещиков, так что мы, господа, поступаем вполне в духе русского народа». И он тоже заваливался спать.

Но Дусе такой образ жизни был не по душе, спать ей никогда не хотелось. Она очень обрадовалась, когда Андрей позвал ее покататься после обеда на лодке.

– Хоть ты меня понимаешь! – горячо воскликнула она.

– Дуся, возьми зонтик! – расслабленным голосом крикнула ей вслед мать, не вылезая из гамака. – Может быть солнечный удар...

За ними было увязалась младшая двоюродная сестра Дуси, но Андрей ей шепнул, что из воды может выглянуть страшный водяной, и девчонка отстала.

После утреннего сеанса рисования Дуся так и не переоде-

лась – ходила в том же легком белом платье, с распущенными волосами, очень довольная тем, что все восхищаются ею.

– Андрей, как ты думаешь, Карасев – хороший художник? – спросила она своего спутника по дороге к пруду.

– Наверное, – пожал плечами Андрей. – Ты же слышала, что Третьяковка купила у него две картины.

– Ну, это еще ни о чем не говорит, – засомневалась Дуся. – Что ж, талантливыми считать только тех, чьи картины в музеях висят? А как же остальные? Бывают же, например, непризнанные гении...

– Я знаю, почему ты спрашиваешь! – засмеялся Андрей. – Тебе интересно, повесят твой портрет в Третьяковке или нет.

– Фу, как грубо! – рассердилась Дуся, покраснев, – слова Андрея задела ее за живое. – Ты что, думаешь, я тщеславная?

– Не вполне, но...

– Неужели я и вправду суетный, никчемный человек? – тут же переменяла она тему. – Нет, ты прав, я тщеславная. Хожу в этом дурацком платье и радуюсь, что на меня все таращатся.

– Я с тобой как раз об этом хотел поговорить, – сказал Андрей.

Они уже подошли к воде.

Пруд был до неприличия живописен – недаром Карасев

отказывался рисовать его, утверждая, что сейчас в мире переизбыток подобных пейзажей. Темная гладь подернулась у берегов ярко-зеленой ряской, желтые лилии неподвижно парили на воде, над зарослями камышей и осоки летали серебристые стрекозы, ивы театрально кручинились у берегов, склоняя свои кудрявые ветви к поверхности.

— Опять Михайлов здесь ел пирожные, — с досадой сказала Дуся, отряхивая сиденье в лодке. — Сам все о возвышенном, об inferнальном, а пирожные трескает целыми корзинами! Андрюша, о чем ты хотел со мной поговорить?

— Сейчас... — Он тоже залез в лодку и оттолкнулся веслом от берега.

Ему было страшно — он знал, что Дуся любит его, но какой-то чересчур заботливой, сестринской любовью. Раз и навсегда пожалевав его, могла ли она увидеть в нем не только несчастного сироту, но и мужчину, с которым можно связать свою жизнь?

— Говорят, здесь, в пруду, живет огромный сом, — произнес он неожиданно вовсе не то, что хотел сказать.

— О да! — моментально оживилась Дуся и зачерпнула пригоршней воду. Она сидела на корме в живописной позе, разбросав складки своего воздушного платья по сиденью, и была нереально красивой. — Помнишь Антон Антоныча, старичка с соседней дачи, что заходил к нам на прошлой неделе? Так вот, он страстный рыболов и утверждает, что видел этого сома.

– Что же он не поймал его? – усмехнулся Андрей.

– Нет, ты не понимаешь, такое огромное животное невозможно вытащить в одиночку! Антон Антонович тоже сидел в лодке, а сом выплыл откуда-то снизу, из темной глубины, открыл пасть и выпустил огромный пузырь воздуха. Пасть у него была величиной с отверстие в печке, а зубищи...

– А потом?

– Потом Антон Антонович с испуга ударил сома веслом. Тот перевернулся и скрылся в глубине, только хвостом махнул. А хвост у него был величиной с целое бревно...

– Вот бы увидеть! – мечтательно произнес Андрей. – Ты бы хотела увидеть?

– Да, – вибрирующим от ужаса и восторга голосом произнесла Дуся, опять погружая пальцы в воду. – И ты знаешь, не просто увидеть...

– А что еще? Поймать?

– Нет, нет... Мне после рассказа Антон Антоновича сон приснился... как будто я плаваю, а эта рыбина подплывает ко мне откуда-то снизу, разевает свою пасть, а из нее пузырь воздуха, словно она хочет мне что-то сказать! И я вот с тех пор думаю... Знаешь, Андрей, я бы очень хотела хоть раз поплавать в этом пруду. Не там, у бережка, где купальня и воды по пояс, а именно здесь, на глубине, где никто никогда не плавал. Чтобы, знаешь, было так страшно и интересно – съест меня сом или не съест?

– Есть упоение в бою... – задумчиво пробормотал Андрей, с любопытством глядя на свою спутницу.

– Да, ты очень верно подметил – «есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю...». Как там дальше, не помню, но неважно... Чтобы было чувство опасности!

– Я где-то читал, что крупные экземпляры сома иногда нападали на малолетних деревенских детей и якобы утаскивали их на дно. Ведь это же хищник! – хитро произнес Андрей. Но его слова только еще больше раззадорили Дусю.

– Да-а? – поразилась она. – А я? Как ты думаешь, сом может принять меня за добычу?

– А зачем тебе? Ты что, собираешься здесь искупаться?

– Собираюсь! – выкрикнула она, видимо, криком отгоняя страх. – А что, ты думаешь, не смогу?

– А платье? – напомнил Андрей. – Если ты его испортишь, Иван Самсонович очень расстроится. Он ведь начал тебя рисовать именно в этом платье...

– А что платье! – лихо произнесла Дуся. – Я его сниму. У меня под ним рубашка длинная, вполне пригодная для купания.

Она сказала это столь просто и бесхитростно, что кровь бросилась Андрею в лицо. Ее слова выражали последнюю степень доверия к нему, но вместе с тем – так не стыдиться можно только брата или подруги...

– Нет, Дуся, пожалуйста... – умоляюще прошептал он. – А вдруг кто-нибудь увидит...

– Значит, тебе совершенно наплевать, съест меня сом или не съест, а вот каких-то посторонних людей...

– При чем тут люди! – рассердился он. – Это ты меня за человека не считаешь, готова все с себя скинуть...

– А ты отвернись, – сердито ответила Дуся. – Если ты порядочный человек, ты не будешь за мной подглядывать!

– Нужна ты мне очень, за тобой подглядывать! Но вот если сом на тебя нападет, как я тебя буду спасать с закрытыми глазами?!

– Как? – театрально рассмеялась она. – Меня уже тогда никто не спасет, Андрюша, голубчик...

Она играла. И ей очень нравилось играть! У Андрея тогда мелькнула мысль, что Дусе не минуть актерского пути... Но все это было сейчас неважно – потому что он увидел, что она стягивает через голову платье.

Он поспешно отвернулся, все-таки заметив край белоснежной батистовой рубашки с кружевным подолом, из-под которой торчали Дусины ноги.

– Пусть тебя сом проглотит, а я тебя совершенно спасать не буду, – ледяным голосом произнес он. – Вот как хочешь, а ты все-таки сумасшедшая...

– Мама! – взвизгнула Дуся и бухнулась в воду. Лодка закачалась, едва не выбросив Андрея. Пытаясь выровнять борта, он вцепился в них руками и невольно открыл глаза. Дусина рубашка белым пятном расплылась по поверхности, а над ней веером взметнулись волосы – посреди этого чер-

но-белого пятна было испуганное Дусино личико. Она была по воде руками, а потом вдруг успокоилась и поплыла.

– Страшно? – не слыша собственного голоса, спросил он.

– Ага... – с восторгом ответила она. – Ой, не могу... все время кажется, что кто-то подплывает ко мне снизу и даже будто что-то холодное у ноги... Ай, боюсь, дай руку!

Андрей сделал несколько взмахов веслами и подплыл ближе. Он протянул ей руку, стараясь не смотреть на открытые Дусины плечи, и в то же время не мог не смотреть.

Но Дуся не приняла его руки.

– Нет, все, прошло, – уже почти спокойно сказала она и отплыла дальше. – Но как хорошо... Вода очень теплая!

Он греб вслед за ней. Андрею все казалось, что с берега за ними наблюдает кто-то, в мифического сома он не верил. Что будет, если их с Дусей застанут в таком положении? Накажут обоих, и накажут серьезно – за то, что она осмелилась на подобное безрассудство, а его – за то, что позволил ей прыгнуть в воду.

– Я не боюсь! – закричала она издали, среди серебристой ряби отраженного в воде солнца, режущей глаза. – О, как хорошо!

Качались кувшинки на волнах, сонно клонились ивы... Красота окружающего ошеломила Андрея, и он решил, что подобная «тема» не оставила бы равнодушным даже Карасева. «Девушка, купающаяся в пруду». Третьяковка купила бы эту картину, и сотни праздных обывателей приходили

бы полюбоваться ею. Вообще, этот пруд имел смысл, только когда в нем купалась Дуся. И весь мир имел смысл, если Дуся была в нем... Какая разница, увидит их кто-то или нет?

– Остановись, мгновенье, ты прекрасно!

– Что? – обернулась она – смеющееся мокрое личико, ямочки на щеках, капли воды дрожат на черных ресницах, огненный нимб над головой.

Он скинул с себя ботинки, легкую льняную куртку и прыгнул в воду. Вода была теплой и пахла, словно отвар той лечебной травы, которой его поили в детстве.

– Ага! – завизжала Дуся. – Что, и тебя разобрало?

Он проплыл мимо нее, поднимая тучи бриллиантовых брызг, и в сердце был такой восторг, что никакое наказание не страшило.

Они поплыли наперегонки, потом обратно. Берег был далеко, деревянный сарайчик купальни казался ненужным и странным сооружением.

– А сом? Вдруг появится сейчас сом? – заорал Андрей, брызгая в Дусю. – Вот он сейчас...

– А-а-а... – завизжала та тоненько, уже изнемогая от какого-то щенячьего восторга, который вызывало у нее купание в запретном месте.

Андрей подпрыгнул и нырнул с головой. В воде он открыл глаза – было полутемно, гудящая тишина заполнила уши.

Дуся плескалась где-то над ним, у поверхности – вот ее

искаженный толщей воды силуэт, голые тонкие ноги мелькают, словно бегут...

Он выдохнул несколько больших пузырей, которые символизировали подплывающего сома, и потом тихонько пощекотал ей пятки.

Что было там, на поверхности, он не знал, но Дуся засучила ногами еще сильнее. «Не утонула бы от страха...» – подумал он и вынырнул. В уши ему сразу ударил Дусин крик.

– А-а... Андрюша, дурак... как будто взаправду...

– Ну? Ты этого хотела, да? – с напускной суровостью произнес он, убирая со лба налипшие волосы.

– Я чуть не умерла... ай, ты не понимаешь...

Они смеялись, как сумасшедшие, потом Дуся глотнула воды и закашлялась, пришлось плыть к берегу. Пока Дуся сохла, Андрей пригнал лодку. Они сели рядом, скрытые от посторонних глаз камышом.

– Здорово... – стука зубами, произнесла Дуся. – Как по-настоящему...

– Но ты же видела, что это я!

– Все равно, как будто сом с глубины...

– А ты чуть не утонула! Волосы поправь, чтобы они высохли быстрее...

Андрей равномерно разделил на пряди Дусины тяжелые волосы. Они лежали на траве, точно черные змеи. Батистовая рубашка стала совсем прозрачной – и было видно все, абсолютно все, но Андрей сделал вид, будто ничего не заме-

чает. Тем более что Дуся никак не обращала внимания на свою наготу.

– Врал Антон Антоныч!

– А может, и не врал!

– Нет, он совсем старенький, ему могло привидеться. Увидел бревно в воде, и вот, нате вам – чудо-юдо рыба-кит...

– Ты о чем хотел поговорить?

– Нет, не сейчас...

– Почему не сейчас?

– Сейчас неудобно.

– Очень даже удобно! – Глаза у Дуси загорелись от любопытства.

«В самом деле, что я ломаюсь... – с досадой подумал Андрей. – Мы и так уже, как муж и жена. Сидим себе голые рядышком, как ни в чем не бывало!»

– Ты, наверное, удивился, а может быть, и нет...

– Чему? – затаив дыхание, спросила Дуся.

– Тому, что я люблю тебя, – просто ответил он.

– Дай-ка мне платье, – вдруг, опустив глаза, потребовала она. – Я, кажется, уже высохла...

Дуся быстро накинула на себя платье и только тогда посмотрела Андрею в глаза.

– Я тебя тоже люблю, – серьезно произнесла она. – Вообще, ты мой самый лучший друг, я тебя как будто тысячу лет знаю.

– Нет, ты не понимаешь, – беспомощно улыбнулся он. – Я тебя не так люблю... не как сестру или как еще какую-нибудь там родственницу.

Дуся ахнула и прижала ладони к щекам. Она поняла.

– Господи, стыдно-то как! – прошептала она. – А мы с тобой в одной воде сейчас плавали...

– В общем, я тебя не тороплю с ответом, да и рано еще – в смысле возраста... Но когда-нибудь настанет день, когда я подойду к Кириллу Романовичу и попрошу твоей руки. Так вот – ты будешь не против?

Дусины глаза приобрели знакомое Андрею страдальческое выражение – так посмотрела она на него впервые, когда увидела после трогательного рассказа ее отца о бедном сироте, разом лишившемся обоих родителей.

«Откажет! – с отчаянием подумал Андрей. – Вон как смотрит... Господи, и за что мне такая мука!»

– Андрюшенька... – растерянно прошептала она. – Вот тебе крест, я умереть готова, чтобы тебе хорошо было...

– Да не надо для меня умирать, я совсем другого хочу... Я хочу, чтобы ты для меня жила!

– Ну да, ну да... – торопливо кивнула Дуся, видимо, испугавшись, что огорчила его. – Я согласна!

– Согласна быть моей женой?

– Да! – прошептала она и зажмурилась. Из-под дрожащих ресниц быстро скользнули две слезинки.

Совсем не того ждал Андрей – он мечтал о том, чтобы

его признание Дуся приняла с радостью, чтобы не было никаких слез... Или он вообще не знает женщин, не знает, как они ведут себя в подобных ситуациях? Наверное, так...

– Я, правда, люблю тебя... – тихо произнес он и взял Дусю за руку.

– Ты милый. – Она открыла глаза и быстро-быстро заморгала, отчего с ресниц слетели еще две слезинки. – Ей-богу, я относилась к тебе, как к родному! Но это что же тогда... Тогда надо все по-новому, по-другому к тебе относиться?

– Я тебя не тороплю и вообще ни к чему не принуждаю...

– Да отчего же! Я вот тебе прямо сейчас отвечаю – я тебя тоже люблю и хочу быть твоей женой. Ты хороший человек, добрый – лучше тебя, пожалуй, я никого и не знаю... Так отчего же не составить тебе счастье?

– А ты... будешь ли ты счастлива, если станешь моей навеки?

– Буду! – ответила Дуся, не раздумывая.

Он взял ее руку и поднес к губам. У Дуси была тонкая, узкая ладошка с необычайно длинными, изящными пальцами, с какими впору на скрипке музицировать, и подумал – «моя»...

– Отчего же руку... – с укором произнесла она, – мы же теперь...

О подобном счастье Андрей и не мечтал – Дуся сама обернула к нему свое лицо, на щеках едва обозначились ямочки,

губы ярко рдели на солнце, и было видно, как под тонкой кожей пульсирует кровь.

Он осторожно прижал ее к себе и поцеловал, не веря своему счастью. Он никогда не испытывал ничего подобного. Поцелуй длился лишь несколько мгновений, но он запомнил его на всю жизнь, возведя ему храм в своей душе.

– Пора... – сказала Дуся. – Пойдем? А то, пожалуй, нас искать начнут...

Они быстро привели себя в порядок, Андрей пригладил ладонью волосы, и они пошли к дому.

– Никому не скажем?

– Нет-нет, что ты... это теперь будет наша тайна! – с энтузиазмом воскликнула Дуся.

«Какое же она все-таки еще дитя... – с умилением подумал он. – Она играет в любовь, точно в игру, и тайна приводит ее в восторг!»

*** * ***

– Серебряный век русской литературы длился чуть более двух десятков лет. С точки зрения вечности – это даже меньше, чем мгновение, но для России этот век стал едва ли не самым роковым, и перемены, которые он повлек, были поистине непредсказуемыми. В 1899 году вышел в свет первый номер журнала «Мир искусства» – с него-то все и началось, выражаясь формально. Впрочем, понятие «Серебря-

ный век» – не столько научный термин, сколько время своего рода интеллектуального Ренессанса, подарившего миру яркие шедевры, отличающиеся изысканностью форм и глубиной мысли. Как вы знаете, наверное, и без меня, в то время существовало множество течений: символизм, футуризм, акмеизм, новый реализм и прочая, и прочая... На самом деле, не столь важно, к какому именно направлению принадлежал тот или иной поэт, ибо бессмертие дается не за принадлежность к какому-либо направлению, а за талант. А людей, наделенных божьим даром, было в то время множество. Анна Ахматова, Иннокентий Анненский, Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Велемир Хлебников, Владимир Маяковский, Валерий Брюсов... Вот, послушайте:

*Среди миров, в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя...
Не потому, что я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.
И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа.
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.*

Через прозу и поэзию люди того времени говорят нам, их потомкам, что надо жить просто и мудро, любить от всего сердца, потому что счастье доступно всем, кто смотрит на небо...

Мои студенты сидели тихо и слушали стихи, которые я

им читала. Вообще, все они были очень умными мальчишками и девчонками, и они, поступая в наш институт, хорошо знали эту тему – русская литература начала двадцатого века. Многие зачитывались Цветаевой и Ахматовой, но... Но они не знали и половины того, что на самом деле скрывало то время.

Большинство юношей, конечно, сохраняли довольно скептический вид, давая понять, что не пристало мужчине рыдать над любовной лирикой. Один, например, парнишка с пирсингом в ушах и носу, сидевший в последнем ряду, играл на своем сотовом, подозреваю, в какой-нибудь дурацкий «тетрис», другой, на него похожий, листал журнал... Но это были мелочи. Первые два ряда слушали, открыв рот. Особенно девушки. Одна даже строчила в тетрадке с фантастической скоростью – судя по всему, записывала за мной стихотворение Иннокентия Анненского.

Звонок, как всегда, прозвенел некстати – на лицах многих отразилось некоторое разочарование – они готовы были еще слушать.

Ко мне подскочила девчонка с первой парты:

– Елизавета Аркадьевна, вы будете темы курсовых раздавать? Если да, то у меня к вам вопрос...

– Господи, милочка, семестр только начался... Не слишком ли рано?

– Нет, не рано. Дайте библиографический материал по следующим темам...

Она задавала мне вопросы довольно долго, пока в аудиторию не вошла Аглая.

– Лиза, ты освободилась?

– Теперь да, – сказала я, когда дотошная студентка упорхнула.

Аглая окинула взглядом пустую аудиторию и закрыла за собой дверь.

– А теперь признавайся, что происходит. Ты думаешь, я слепая? Вот уже несколько дней ты ходишь сама не своя, как будто у тебя кто-то умер...

– Да что ты, никто не умер!

Я стояла за кафедрой и складывала бумаги в папку. За распахнутыми окнами шумели машины, переговаривались, смеялись студенты в сквере – только что закончилась последняя лекция.

– А что с твоей научной работой? Викентий говорил, что дал тебе какой-то адрес...

– Да, я туда ездила дней десять назад. Рукописи, письма... Очень интересный материал. – Я замялась – рассказать ей или нет? Все-таки мы с ней не настолько были близкие подруги. А язык мой сам решил за меня: – И там со мной приключилась интересная история. Мне кажется, я влюбилась. Одной звезды я повторяю имя...

– Та-ак... – выдохнула Аглая. Потом села на стол прямо передо мной и заерзала, устраиваясь поудобнее. – Кто он?

– Да неважно... Ничего не важно. Мы, наверное, больше

никогда не встретимся. – Я постаралась улыбнуться, но у меня не очень получилось. – Было бы глупо, если бы из-за одной ночи, проведенной вместе, я строила какие-то невероятные прогнозы...

Ну вот, сама не заметила, как проговорилась! Глаза Аглаи за толстыми стеклами очков стали совсем огромными.

– Ты провела с ним ночь? Приехала – и сразу же отдалась?

– Такое впечатление, будто ты преподаешь не грамматику, а сексопатологию...

Делать нечего – пришлось ей все рассказать.

– Так ты думаешь, это любовь? – После моего рассказа задумалась она, посасывая дужку очков. – Нет, дорогая, все гораздо прозаичнее. И объясняется просто – ты уже целый год одна и потому от безысходности бросилась на первого встречного, а он оказался человеком с сомнительной репутацией... Ты сказала, он в кафе поет?

– В клубе или ресторане...

– Какая разница, хрен редьки не слаще – в злачном месте, короче... И не имеет никакого значения, что он правнук какого-то там писателя, одно другому не мешает! Я тебе признаюсь – еще до знакомства с Леонидом Ивановичем в моей жизни был такой случай...

– Ты будешь рассказывать мне историю пятнадцатилетней давности?

– Да, а что? Я все очень хорошо помню, как будто это было вчера...

– Аглаша, чужой опыт бесполезен, каждый раз история повторяется по-новому! Ты меня спросила, отчего я не в себе, я тебе ответила – я влюбилась.

– Кажется, влюбилась, – поправила она многозначительно. – Ты сказала – «кажется»? Как его зовут?

– Александр.

– А выглядит он как? Нет, ты не думай, это не пустое любопытство, я пытаюсь составить для себя его психологический портрет...

Я по возможности подробно описала внешность Саши.

– Как будто я его видела... – задумчиво произнесла Аглая, уже не посасывая, а буквально вгрызаясь зубами в дужку очков. – Ей-богу, ты так хорошо его описала, что...

– Да где ты его могла видеть! – с досадой воскликнула я. – Что ты придумываешь...

– Тут и видела! – вдруг воскликнула Аглая. – Даже не один раз. Он стоял за оградой, перед сквером, и смотрел на наши окна.

– Что ты придумываешь! – с отчаянием повторила я.

– Ничего я не придумываю! – возмутилась она. – Вон, выгляни в окно – он и сейчас там стоит. Смотри-смотри, как раз за памятником.

Аглая надела очки и указующим перстом обозначила направление, куда надо глядеть. Я глянула и... уронила папку, бумаги рассыпались по полу. Это было странно, смешно, невероятно – но за бронзовым памятником Гоголю, который

стоял в скверике нашего института, стоял Саша. В своем черном костюме, с безукоризненной прической. Было довольно далеко, но я сразу же его узнала.

– Да, это он! – с удивлением прошептала я. – Ты представляешь, он меня нашел каким-то образом...

– Вот, а ты мне не верила... – удовлетворенно запыхтела Аглая, собирая с пола мои бумаги. – Я же тебе говорила!.. Я его второй раз тут вижу. Только чего он, дурак, не догадался зайти на кафедру и спросить о тебе?

– Ну, наверное, стеснялся...

– Стеснялся! Что это за мужчина, который стесняется... Тоже мне – «одной звезды я повторяю имя...»! Хороша звезда...

– А тебе он тоже показался симпатичным? Знаешь, я, пожалуй, пойду... и подойду к нему...

– Иди уж, – буркнула Аглая.

Я схватила папку и побежала, едва не сбив с ног Милорадова, преподавателя английского, важно шествовавшего по коридору.

– Осторожнее! Совсем озверели!.. – рявкнул он, решив, что на него налетел кто-то из студентов. Но увидел меня, и тон его сменился на удивленный: – Ах, это вы, Елизавета Аркадьевна!..

Я пробралась сквозь гудящую толпу студентов, которая толпилась в сквере, и выскочила в ворота.

– До свидания, Елизавета Аркадьевна! – крикнул мне в

спину кто-то, кажется, Ковальчук.

– До свиданья... – машинально отозвалась я.

За ажурной старинной оградой ходил туда-сюда Саша – как будто встревоженный и недовольный.

– Саша, вы? – на этот раз улыбка вырвалась у меня сама собой.

– Господи, Лиза... – Он бросился ко мне, схватил за руки. – Я уж думал, что никогда не найду вас! Только почему же мы на «вы»...

– Ах, я и забыла, что ты честный человек... Нет, правда, Саша, как ты меня нашел?

– Ты же сказала маме, где работаешь, а в Москве не так уж много филологических институтов. Я приезжал сюда несколько раз... Ты так неожиданно сбежала тогда, не оставила ни адреса, ни телефона!

– Что-то случилось?

– Случилось, – сказал Саша. Он так это сказал, что сразу стало ясно, что это «случилось» касается только меня.

– Елизавета Аркадьевна... – раздалось за моей спиной.

– Что? – оглянулась я. Сквозь ограду просунул голову Ковальчук и смотрел на меня своими круглыми, абсолютно непроницаемыми небесно-синими глазами. – Что вам, Ковальчук?

Он подумал немного, словно не зная, что сказать, но потом все-таки сказал, кивнув на Сашу:

– А это кто? Он вам кто?

– Господи, какой дурак... – засмеялась я. – Саша, отойдем.

Мы отошли к дороге, и я пояснила:

– Это студент. Лекции только что закончились... Некоторые ребята ужасные раздолбаи и балбесы, но в общем-то они очень славные.

– Понятно, – кивнул Саша. – Кстати, ты не выглядишь их преподавательницей. Ты даже моложе их смотришься.

– Ну, спасибо... Так что же случилось?

– Нестерпимое желание увидеть тебя. Я проснулся утром, зашел в твою комнату и увидел, что тебя нет. Только записка...

– Глупая записка, прости меня.

– Мама подумала, что я с ума сошел, потому что я сразу же бросился искать тебя, едва выпытав у нее подробности вашего разговора... Я даже накричал на нее.

– Бедная Нина Ивановна!

– Ничего, мы с ней уже помирились. Но я и правда до вот этого самого момента, то есть до тех пор, пока не увидел тебя сейчас, был действительно не в себе. Слава богу, ты нашлась. – Он не сдержался и обнял меня.

Я украдкой поглядела в сторону ограды – из-за нее на нас смотрели несколько пар любопытных глаз. Черт возьми, студенты мои, кажется, думают, что только у них может быть личная жизнь!

– Что же мы будем делать? – спросила я.

– Что хочешь, я сегодня свободен. Пойдем куда-нибудь?

– Хорошо, – согласилась я. – Только ни в какое кафе я не хочу, пойдем в какой-нибудь парк. Сегодня хорошая погода, солнышко...

– Это потому, что я нашел тебя... Только не пойдем, а поедем. Я на машине.

– Ах да...

Сейчас я посмотрела на автомобиль Саши внимательнее. Вишневого цвета иномарка смотрелась весьма представительно, о чем я не замедлила ему сообщить.

– Ну что ты! – засмеялся он. – Ей пятнадцать лет. Правда, еще очень крепкая старушка.

– Надо же, пятнадцать лет! Сегодня мне хотели рассказать историю именно с таким сроком давности...

– А что за история? – с любопытством спросил он, открывая мне дверцу.

– Не знаю... Я не стала слушать. Завтра спрошу у Аглаи. Аглая – моя коллега и приятельница, которая собиралась ее рассказать...

Мы сели и поехали. Куда – мне было совершенно неважно. В том состоянии, в какое я впала при виде Саши, я была, кажется, готова любоваться даже трубами какой-нибудь электростанции. Саша нашел меня! Наверное, я действительно дура – раз так влюбилась, то могла оставить хотя бы телефон... Ах, зачем возвращаться к прошлому – тем приятнее было Сашино сегодняшнее появление.

Возле одного из светофоров образовалась небольшая пробка. Мы остановились, Саша положил голову на сложенные на руле руки и посмотрел на меня.

– Мне казалось, что я тебя не узнаю, когда увижу, – вдруг сказал он. – Так бывает, когда долго кого-то не видишь, да? А теперь вижу, что ты еще лучше, чем я себе представлял. Ты красивая. Нет, ты даже не просто красивая, ты...

– Какая? – засмеялась я. – Ну, скажи!

– Прекрасная. Ты красивая, и ты прекрасная. Чувствуешь оттенки?

– Чувствую... Только нам уже сигналият сзади!

Мы поехали дальше. Мимо мелькали дома, витрины, рекламные вывески. Когда-то давно, в прошлой жизни, меня тоже катали так. И тоже на иномарке, правда, более новой. Хотя при чем тут марка машины и год ее выпуска?

– О чем ты думаешь?

– Так, ни о чем... Хотела тебя спросить – не слишком ли много комплиментов за единицу времени?

Он быстро взглянул на меня и твердо ответил:

– Нет.

Мы подъехали к парку Победы.

– Как тебе это место? Если хочешь, то можно в какой-нибудь другой парк поехать...

– Нет-нет! Очень хорошее место. Здесь много фонтанов, а я люблю фонтаны. Правда, на них лучше смотреть ночью, когда темно и горит подсветка...

– До темноты не так уж и долго... – посмотрел он на часы.

Мы оставили машину на стоянке и побрели по длинной аллее. Мимо со свистом проезжали роллеры.

– Какая-то дорога странная, – пробормотал Саша, глядя себе под ноги. – Что это здесь нарисовано? Колечки, цветочки...

– Я знаю что: по этой самой аллее бродят молодожены...

– Бродят! Ты сказала – бродят...

– Ну да, не кросс же они тут бегают...

С ним было легко и весело. «Да, влюбилась, – сказала я себе. – Я точно влюбилась, без всякого там «кажется»... И мы идем по аллее молодоженов, что само по себе очень сим-волично. А вдруг именно Саша станет моим мужем?»

И я посмотрела на своего спутника совсем другими глазами.

– Ты тоже об этом подумала? – спросил он вдруг.

– О чем? – Я решила не рассказывать ему о той мысли, которая только что мелькнула у меня в голове. Я, конечно, не ханжа, но мы и так слишком форсировали события.

– Нет, сначала скажи...

– Вот еще!

– Хорошо, – кротко произнес он. – Я тогда тоже ничего не скажу. Только ты потом мне напомни.

– Когда – потом?

– Ну, когда-нибудь потом...

– Нет, мне надо точнее!

– Потом, – туманно повторил он и повернул меня к себе, – когда-нибудь...

Мы целовались на этой самой аллее, а мимо нас со свистом проскакивали роллеры. Я чуть приоткрыла глаза – светило вечернее солнце, и весь горизонт был залит золотом...

Напрасно я переживала, что не увижу фонтанов с подсветкой, – время промчалось незаметно. В очередной раз отвечая на Сашин поцелуй – мы стояли за Никой Самофракийской, на какой-то площадке под навесом, – я обнаружила, что уже ночь.

Мы сначала бродили вокруг одних фонтанов – веселых, распутившихся белыми и желтыми зонтиками, потом пошли к другим, с красной подсветкой, которые символизировали кровь погибших. Я призналась, что мне немного не по себе – довольно жуткое, тягостное зрелище...

– Но завораживает, – сказал Саша.

– Да, завораживает...

Время стремительно приближалось к ночи.

– Что же делать? – сказал он просто. – Я не в силах с тобой расстаться.

Мне вдруг стало наплевать на все приличия и на соблюдение каких-то там дурацких церемоний. Я и так уже пропала.

– Что же – аналогично, – кивнула я.

– Мой милый маленький профессор...

– Я еще даже не доцент пока!

В результате мы поехали ко мне домой.

Наблюдать за Сашиным пробуждением было очень интересно.

Сама я уже минут десять как проснулась и теперь смотрела на него. Он тихо дышал, потом, наверное, почувствовал мое движение рядом – чуть задрожали его ресницы, он слегка пошевелинулся. И, не открывая глаз, протянул руки в мою сторону. Я отодвинулась к краю постели. Еще некоторое время я ускользала от его ищущих рук, но в конце концов он поймал меня.

– Ну, куда ты убегаешь? – сонным голосом пробормотал он. – Ты моя, моя, моя... Не пущу!..

Это было интересно и приятно – потому что он начал искать меня, еще находясь на зыбкой грани между реальным и нереальным миром, он стремился ко мне, находясь в тенетах подсознания... Я вспомнила вчерашний день. «Может быть, Саша действительно тот человек, с которым я буду вместе до конца жизни? Может быть, он – моя судьба?»

– А кофе в постель? – строго спросила я. – Приличные люди в это время подают кофе в постель!

– Что? – встрепнулся Саша. – Ах, ну да... сейчас я встану... Где у тебя кофе?

– Не надо никакого кофе! – засмеялась я, обнимая его. – Я пошутила... Если честно, я не очень-то и люблю его...

– Кстати, я тоже, – оживился он. – Правда, иногда позволяю себе чашечку.

– Растворимого?

– Да, чашечку растворимого.

– Мне сегодня на работу идти ко второй паре, так что время у меня есть, – важно произнесла я, выскальзывая из его рук. – Я, пожалуй, приготовлю тебе завтрак.

– О, это было бы здорово! – с энтузиазмом воскликнул он. – Признаюсь, я по утрам всегда почему-то голодный.

– Бывает... А ты, наверное, маменькин сынок? – спросила я. – Привык, чтобы за тобой ухаживали, да? Кормили, гладили рубашки...

– Да, конечно!.. Но зато я умею быть очень благодарным...

Мы болтали – полушутя, полусерьезно, потом переместились на кухню, где я вплотную занялась приготовлением завтрака. Не мудрствуя лукаво, я соорудила настоящую глазунью: желтки были глазами, а нос, рот и брови я нарисовала на яичнице кетчупом.

– Боже, это же настоящий шедевр! – восхитился Саша. – Даже есть жалко... Господи, какая досада, что я не захватил с собой фотоаппарат...

– Зачем тебе фотоаппарат?

– Я бы сначала сфотографировал яичницу, на память... Первое блюдо, которое приготовила мне моя девушка. Память на всю жизнь! Я не слишком сентиментален?

– Как сказать... а что, разве я твоя девушка? – с невинным

видом спросила я.

– А разве нет? – насупился он. – Кстати, а ты что будешь есть?

– Вот, йогурт в стаканчике и апельсин...

– И все? – ужаснулся он. – Теперь понятно, почему ты так и не выросла!

– Ты что, хочешь сказать, что я лилипутка?

– Нет, ты – ми-ни-а-тю-р-ная. Ты такая хорошенькая... – Он вдруг забыл о глазунье и полез обниматься. – А тебе обязательно идти на работу?

– Саша!

Потом он отвез меня на работу. А вечером встретил...

Мы были почти неразлучны, и я с некоторым удивлением прислушивалась к себе. Я совсем не уставала от непрерывного общения с Сашей. Не раз в своей прошлой жизни я слышала, что я эмоционально холодна и вечно соблюдаю некую дистанцию, словно храню в своей душе бог весть какие важные тайны. Только никаких тайн и в помине не было! Многажды упрекали меня в стремлении к одиночеству – а что поделать, мне надо было хоть иногда, хоть ненадолго побыть одной.

Но сейчас ничего этого не было. Я скучала по Саше, даже если мы расставались только до вечера. Я все время стремилась к нему – он был теплый, милый, мягкий, его хотелось ласкать и гладить, словно плюшевую игрушку...

– Послушай, я все хотел спросить тебя... – однажды ска-

зал он, находясь у меня дома. – Ты что, совсем одна?

– О чем ты?

– Ну, я все смотрю, как ты живешь... ни одной фотографии нигде... У тебя что, ни одного даже самого завалящего родственника нет? Какого-нибудь там двоюродного дяди или троюродной племянницы...

– Представь себе, нет, – вздохнула я полушутя. – Сиротиночка я горемычная...

– Нет-нет! – тут же ринулся он в атаку. – Ты не одна! Я буду тебе за всех родственников сразу... Я тебе не говорил?

– Что?

– Что я люблю тебя...

– Не припомню, если честно.

– Так вот сообщаю: я тебя люблю! – Саша прижал меня к себе, уткнулся носом мне в шею, стиснул так сильно, что я едва не задохнулась. – И я отказываюсь от всех своих родственников... чтобы только ты любила меня!

– Какой же ты свинтус, Саша! Слышала бы тебя сейчас Нина Ивановна...

– А ты? Ты меня любишь? Между прочим, а ты разве не свинтус? Ты мне до сих пор не сказала, что любишь меня!

– Люблю, – вдруг произнесла я. И тут же продолжила стихами: – «Не спрашивай: ты знаешь, что нежность безотчетна, и как ты называешь мой трепет – все равно; и для чего признание, когда бесповоротно мое существование тобою решено...»

– Это кто? – завороченно спросил Саша. – Мне еще ни одна девушка не читала стихи...

– Это Мандельштам. А девушки – дуры, могли бы заучить пару строчек наизусть, косили бы под интеллектуалок... У тебя их было много?

– Кого?

– Ну, дур... то есть девушек?

– Я не помню, – совершенно искренне сказал Саша.

* * *

Однажды, в конце сентября, когда теплая осень еще гуляла по городу, я вдруг вспомнила наш с Сашей разговор. Не весь, а только ту его часть, которая касалась моих предполагаемых родственников.

Что поделать – у меня и в самом деле их не было. Ни сестры, ни брата, ни двоюродного дяди, ни троюродной племянницы. Мама умерла четыре года назад, когда я заканчивала аспирантуру в своем родном Филологическом институте, а папу я не видела ни разу в жизни, у меня даже фотографии его не было. А ведь родители мои были официально расписаны, я носила фамилию и отчество вполне определенного человека...

Дело заключалось в моей маме.

Очень давно, когда я была еще младенцем, она поссорилась с ним. Навсегда. К нам даже алименты не приходили,

поскольку мама их и не требовала. Но он же был, тот человек, чью фамилию я официально носила... Интересно, жив ли он? И почему он не проявляет никакого интереса к моему существованию?

Наверное, он очень обиделся на маму, раз так и не появился в моей жизни. Мама не только умела обижаться, но с легкостью наносила смертельные обиды другим людям.

Я достала одну из ее ранних фотографий из альбома – на ней она была немного старше меня. Все говорили, что мы с ней были очень похожи – внешне по крайней мере. Та же худощавая миниатюрность, которая столь импонировала Саше, светло-серые глаза, длинные ресницы. Но на этом, пожалуй, сходство заканчивалось. У мамы были роскошные темно-русые волосы, которые не нуждались ни в каких укладках, потому что были пушистыми и выющимися от природы, и большой рот с чуть приподнятыми уголками, отчего создавалось впечатление, будто она все время улыбается – надменно и капризно.

Я помнила всех ее подруг – толстую Киру Филимоновну, которая вечно бегала с авоськами; изысканную модель Тиану (работавшую тогда в известном доме моды, а теперь, она, наверное, уже на пенсии); секретаршу из какого-то скучного НИИ Любочку Гейзер, которая укладывала волосы напоподобие каракулевой шерсти, в частые и мелкие завитки, отчего была больше похожа на овечку, чем на человека; еще какую-то Алису – с вечной сигаретой в мундштуке и рядами

рябиновых бус на длинной шее...

Мама благополучно с ними рассталась, предварительно разругавшись в пух и прах. Просто так, тихо и без излишней аффектации она расходиться с людьми не умела. Маме был нужен только повод. Пусть самый малозначительный. Что же касается сильного пола, то тут мама действовала еще более решительно, чем с подругами. Словом, немудрено, что мой отец пропал навсегда, и оставалось только гадать, какой неосторожный жест или какое неудачное, не к месту, слово он мог себе позволить, оскорбив на веки вечные мою бедную маму. И в доме были запрещены любые разговоры о нем.

Хоть и говорят, что все мы повторяем характер и судьбу наших родителей, я же всю сознательную жизнь стремилась быть как можно менее похожей на мою маму. Я не ссорилась и не обижалась, я была снисходительна к людям, мне невыносимо и неприятно было выяснять с кем бы то ни было отношения... «Холодная кровь», – сказал мне один человек когда-то. Ну и пусть! Зато я не носила в своем сердце обид.

Словом, своего отца я не видела. И вот сейчас мне вдруг очень захотелось посмотреть на него. Именно сейчас, когда, казалось бы, моя жизнь была заполнена Сашей, обещавшим заменить мне всех родственников сразу.

«Почему нет? – подумала я. – Я хочу найти своего отца, и ничего странного в моем желании нет. Станным является то, что до сих пор эта мысль мне почему-то даже в голову не приходила!»

Своей мыслью я немедленно поделилась с Аглаей. Мы с ней сидели за столиком в институтской столовой, в закутке для преподавателей. За стеной, в общем зале, шумела студенческая братия, налегая на суп харчо и поджарку с рисом плюс компот из сухофруктов – на третье.

– Зачем это тебе? – удивилась Аглая.

– Ну как же так – я прожила почти половину жизни и ни разу не видела своего родителя...

– Ты, наверное, пересмотрела передачи «Жду тебя», тьфу ты, то есть «Найди меня». Там, конечно, есть очень драматические истории, но в основном люди с жиру бесятся. Любили бы тех, кто сейчас рядом с ними...

– Я ток-шоу не смотрю, особенно с тех пор, как в титрах передач стали мелькать фамилии наших учеников. Не знаю, как насчет той передачи, про которую ты говоришь, но во всех остальных драматические истории, которые призваны выжимать из домохозяек слезы, придуманы талантливыми выпускниками гуманитарных вузов. Что же касается меня, то тут, наверное, сработало обычное любопытство...

– Ну ладно... – пробормотала Аглая, поправляя указательным пальцем очки, сползшие к кончику носа, – против любопытства не попрешь. А как ты собираешься искать своего папашу?

– Как? Да очень просто – где-то дома должны быть записаны его данные. Время и место рождения. Имя я его знаю – осталось только обратиться в Мосгорсправку.

– Не надо в Мосгорсправку, – вдруг важно произнесла Аглая. – У Леонида Ивановича есть доступ к базе данных. Позвони мне вечером...

И я ей позвонила. И сообщила все, что знала о своем отце: Аркадий Елисеевич Синицын, родился в Москве в тысяча девятьсот сорок седьмом году.

На следующий день ближе к последней паре Аглая прибежала ко мне на кафедру и сунула какую-то бумажку.

– Вот адрес... Мне сейчас некогда, мои лабораторную пишут... Нашелся твой родитель!

– Ты уверена, что это он? – с сомнением произнесла я. – Как быстро все...

– Он, он! В Москве только один Аркадий Елисеевич Синицын такого возраста. И он, кстати, живет совсем неподалеку.

– Да, минутах в пятнадцати ходьбы, – задумчиво произнесла я, глядя на адрес. – Я, пожалуй, прямо сейчас и зайду к нему.

– Может, хоть позвонишь сначала? Тут и телефон есть...

– Нет-нет, я лучше зайду. Сюрприз будет!

– Да уж... – неопределенно пробормотала Аглая. – Ладно, я побежала. Потом все расскажешь!

Улица Жарикова, дом семь... Неизвестно, что меня там ждет... Я хотела позвонить Саше, сказать, куда иду, но потом передумала – в конце концов дело касалось только меня.

Дошла я даже быстрее и оказалась в тихом московском

дворе, засыпанном желтой листвой.

Старый сталинский дом с просторным гулким подъездом. Лифт был тоже старый, я уж и забыла, что бывают такие конструкции с открывающимися вручную дверями...

Подошла к квартире и позвонила – сердце сжалось от волнения и страха. А вдруг здесь живет не мой отец, а всего-навсего однофамилец? Нет, это не самое худшее. Гораздо неприятнее будет, если Аркадий Елисеевич не пожелает со мной разговаривать. Решит, например, что дочка, спустя почти тридцать лет явилась к нему выбивать наследство. А мне и не надо ничего, я просто хочу на него посмотреть...

Дверь открыл седоватый небритый мужчина в мятых брюках и футболке с изображением легендарной группы «Бони М».

– Вам чего? – хмуро спросил он.

«Он! – возликовало мое сердце. – И по возрасту подходит, и вообще... Как будто даже в лице что-то знакомое... Ну да, я же его дочка!»

– Вы – Аркадий Елисеевич Синицын, сорок седьмого года рождения...

– Я Аркадий Елисеевич... А вы кто? Из агитаторов, что ли? Имейте в виду, я ни за кого голосовать не собираюсь, я анархист по убеждениям!

– Нет, я по другому вопросу, – сказала я. – Вы знали когда-то... – И я назвала полное имя моей матери.

Мужчина вздрогнул, тень пробежала по его лицу.

«Точно, он!» – почти с уверенностью подумала я.

– Проходите, – с усилием произнес мужчина, отступая назад.

Он провел меня в большую неубранную комнату, в которой стоял застарелый запах табака. Нет, нельзя было сказать, что здесь живет опустившийся человек, просто – берлога старого холостяка.

– Садитесь, вот кресло... – пробормотал он. Но сам не сел, а стал ходить по комнате взад-вперед. – Вы, наверное, Елизавета... Ее дочь. Господи, я сразу мог догадаться, кто вы такая! Очень, очень похожи...

– Разве? Мне кажется, мы с мамой совсем не похожи. Аркадий Елисеевич, я...

– Что?

– Вас не удивляет, что я решила разыскать вас...

– Нет, не удивляет. – Он наконец остановился. Встал возле пыльного окна, сложив руки на груди, и начал пристальным, немигающим взглядом всматриваться в мое лицо. – Знаете, я как будто ждал чего-то такого... Знал, что рано или поздно она появится в моей жизни!

– Она не появится, – дрожащим голосом возразила я. – Ее уже нет... Мама умерла несколько лет назад.

– Да? – Он дернулся точно от удара током и вдруг стал хотать – громко, истерично и как будто немного театрально даже... Меня этот смех покорибил, хотя в душе я все время ждала подобной реакции. Я подозревала, что они с мамой

расстались после какой-нибудь ужасной ссоры. Наверное, он до сих пор не может ей простить. – Она наконец в аду – боже, какое счастье!

Нет, такое было уж слишком!

– Перестаньте! – закричала я. – Что бы там ни было у вас с ней в прошлом, оно не имеет никакого значения, потому что это уже в прошлом! Осталась я, и я хотела бы...

– А при чем тут вы? – спросил Аркадий Елисеевич, мой потерянный и вновь найденный родитель.

– Как – при чем? – опешила я. – Я вроде как ваше имя ношу... Я ваша дочь.

– Дочь?! Ну да, дочь... – Он перестал смеяться, и его небритое лицо потемнело еще сильнее. – Дочь. Лизонька.

Аглая была права – незачем мне было сюда приходить. Сколь же глупы приступы сентиментальности, которые накалывают иногда на людей, особенно на женщин. Нельзя рассчитывать на то, что окружающие откликнутся на них. Вот этот человек передо мной, мой отец... С щетиной на щеках, в майке, посреди запущенной комнаты... Только безумцу пришла бы в голову мысль, что он сейчас расплачется и бросится мне на шею со словами: «Доченька, наконец я тебя увидел...» Он же сто лет меня не видел, почему я вдруг решила, что он обрадуется мне?!

– Ладно, я пойду, – сказала я и встала с кресла.

– Нет уж, погоди... доченька. – Он почти силой заставил меня сесть обратно. – Столько лет прошло... Свиделись на-

конец-то!

«Да, здорово он на маму обиделся, – мелькнуло у меня в голове. – Но не убьет же он меня! Я вроде как ни в чем перед ним не виновата... А вдруг он просто сумасшедший?» Мне стало совсем страшно.

– Мне ничего от вас не надо, – твердо произнесла я. – Я просто хотела вас увидеть. Хотя бы один раз. Это нормально...

– Ну да, очень нормально. А что, дорогая доченька... – вдруг ехидно прищурился он. – Мама тебе ничего не рассказывала обо мне?

– Ничего. Она не хотела...

– Как это похоже на нее! – воскликнул Аркадий Елисеевич словно про себя. – Как похоже... Я мог бы сразу догадаться, что она оставила тебя, Лизонька, в полном неведении!

Я постепенно стала успокаиваться, но тут этот человек совершил нечто странное. То есть сначала мне все показалось очень даже естественным и нормальным. Он подошел ко мне и погладил по голове.

– Девочка моя... Конечно, прическа другая, а так это ты, ты...

«Папа!» – хотела крикнуть я и броситься ему на шею. Но он неожиданно положил ладонь мне... на грудь. Жест совершенно не отцовский! Меня пронзила невероятность, чудовищность происходящего...

– Псих! – прошептала я и отбросила его руки от себя. – Ты самый настоящий псих...

Я вскочила и отшвырнула журнальный столик ему под ноги. Он чертыхнулся и упал.

Я бросилась в коридор, стала открывать дверь, но у меня так дрожали руки, что я никак не могла этого сделать.

– Стой... куда ты, мы еще не договорили... – раздалось позади.

Судя по всему, он сумел подняться и бросился за мной, роняя на ходу еще какую-то мебель. Я поняла, что еще несколько мгновений – и он настигнет меня. Что тогда произойдет, можно только догадываться, но одно точно – если это произойдет, я повешусь. Так оно и будет! Родной отец...

Я бросилась в другую дверь – это оказалась ванная – и задвинула щеколду. В ванной было темно и пахло каким-то мерзким одеколоном.

– Открой! Слышишь – открой! – забарабанил он в дверь что было сил.

Я села на холодный пол и тихо заплакала. Мне было так страшно и противно, что действительно не хотелось жить. Кто бы мог подумать, что мой папаша окажется сумасшедшим. Или он не сумасшедший? Но тогда он злодей, самый настоящий злодей...

Он ломился в ванную, но, видимо, все в этом старом сталинском доме было сработано на совесть – дверь просто так не выломаешь.

Он долго барабанил в дверь и орал что-то неразборчивое. Можно было не надеяться, что соседи этот шум услышат, по той же причине – очень толстые стены. Я, конечно, и не думала открывать.

Я сидела на холодном полу и плакала... Зачем я пришла сюда?!

Потом этому извергу надоело шуметь, и он затих.

– Слышь, ты, Лизавета... – вдруг произнес он за дверью. – Выходи. Я больше не буду. Это на меня так, нашло.

– Ничего себе нашло! – закричала я, зарыдав в голос. – Ты же мне отец родной, как ты мог...

За дверью опять воцарилась тишина, а потом он сказал:

– Я не твой отец.

– Что?

– То что слышала. Я не твой отец.

– А кто вы?

– Разгадай загадку – я муж твоей матери, но я не твой отец...

В этом мире ничего не изменилось, но мне неожиданно стало так легко, что я сразу перестала плакать. И даже засмеялась.

– Отчим?

– Нет, и не отчим даже... Я тебе совсем никто.

Человек за дверью, похоже, окончательно образумился и теперь говорил усталым, скучным голосом. Интересно, обманывает или нет?

– А вы не ошибаетесь? – осторожно произнесла я.

– Нет.

– Но почему? Многие мужчины думают, что они не являются отцами, но на самом деле очень даже являются. Только полноценная генетическая экспертиза может подтвердить...

– К лешему экспертизу... – буркнул он. – Мы расстались с твоей матерью за два года до твоего рождения. Ну не могла же она два года ходить беременной!

– А почему же у меня отчество и фамилия ваши?

– Потому что официально развелись мы позже. Она записала тебя на меня...

– А почему вы ей это позволили?

– Я сначала ничего и не знал. Потом подумал – ну и ладно, алименты же с меня не требуют. Если б она с меня деньги требовала, я бы тогда, конечно, такое затеял...

– Мама не говорила мне об этом...

– А то ты не знала свою мамашу!

Сказанное было чистой правдой – я ее совершенно не знала. И вообще, похоже, этот Аркадий Елисеевич не врал – только моя мама могла довести человека так, что даже спустя тридцать лет он мог взбеситься от одного ее имени.

– Я выйду? – после некоторой паузы, осторожно спросила я.

– Выходи. Не век же тебе там сидеть!.. – крикнул он откуда-то издалека.

Я отодвинула щеколду и вышла. Аркадий Елисеевич Си-

ницын уже сидел за кухонным столом и с интересом рассматривал початую бутылку водки.

– Вот, нашел, – буркнул он, не глядя на меня. – Ты не бойся, садись. Поговорим...

– Может, будет лучше...

– Да ничего не будет! – с досадой воскликнул он. – Ты, если подумать, тоже жертва. У меня к тебе никаких претензий...

– Чья жертва? – спросила я, недоверчиво усаживаясь на краешек табуретки.

– Ее, – произнес он с особым выражением, разливая водку по стопкам.

– Вы, я так понимаю, о моей маме говорите, – сказала я, невольно прихихиваясь к водке – пахло отвратительно. – Только напрасно вы так... Она была очень хорошей, и я очень ее любила.

– А куда тебе было деваться? – усмехнулся Аркадий Елисеевич. – Ладно, помянем. Я и не знал, что ее уже нет. Да не нюхай ты стакан, ради бога!

– Я не люблю водку, – честно призналась я, но все-таки отпила из стакана.

– А что ты любишь?

– Мартини, «Токайское»...

– Мартини! «Токайское»! – с гримасой отвращения передрознил он. – Никакого патриотизма. Впрочем, чего можно ожидать от человека, которого воспитала она.

Стол, за которым мы сидели, был не очень чистым, и я сразу же прилипла к нему локтями. Стараясь не заострять на этом внимание, я осторожно отклеилась и больше уж не клала руки на его поверхность.

– Мы познакомились с ней в начале семидесятых. Ей было восемнадцать, и она была очень хорошенькая. Бабетта на голове, юбка мини, туфельки на платформе... Ты хоть знаешь, что такое бабетта? Откуда тебе знать... Глянула тогда на нее – ангел, как есть ангел. Я был у нее первым. Сразу предложил расписаться...

Мне очень хотелось сбежать из этого дома, но я не могла – сидела не шевелясь, точно сиденье у табурета тоже было намазано какой-то липкой дрянью, и слушала человека, который был мне совсем чужим. Он рассказывал о моей матери то, о чем я даже не подозревала. Он сказал правду – я действительно ее не знала.

– Она согласилась. Расписались мы очень быстро – у меня знакомая была в ЗАГСе, материна подруга. Думал – ну вот, я в раю – такая девушка, такая девушка...

– Что же произошло? – с мрачным нетерпением спросила я.

– В том-то и дело, что ничего такого не произошло. Внешне, по крайней мере. Суть в том, что она была не такой, за какую я ее сначала принял. Она была... она была... настоящей сатаной!

С этого момента я перестала всерьез относиться к от-

кровениям Аркадия Елисеевича. Моя мама, конечно, была сложным человеком, но сатаной ее никак нельзя было назвать. Наверное, он так и не смог ей простить, что она его разлюбила, а в том, что она очень скоро его разлюбила, можно было не сомневаться.

– Сначала все было ничего. Только ей нужны были ахи и охи, романтические прогулки под луной, серенады всякие, а я человек простой, стихов читать не умею.

– Может быть, она была слишком молода для семейной жизни? – осторожно предположила я. – Знаете, еще не до конца оформился характер, не устоялись представления о мире...

– Ерунда! Она могла бы и потерпеть, ведь я все делал для того, чтобы понравиться ей. Рано или поздно я бы все-таки приблизился к ее идеалу. Но нужен был ей тот идеал, как собаке пятая нога! Она не для того замуж выходила. Она хотела вынуть из меня душу, ей нужна была жертва! – возвысил он голос. – А все остальное – только повод.

– Вы уверены...

– Нет, ты не перебивай меня, Лизавета, – с досадой отмахнулся он. – Сиди и молчи, пока старшие говорят. Она мне сказала, что я не образован, и я пошел учиться на вечернее. Уставал как собака, но что поделаешь – деньги-то тоже были нужны. Потом она обиделась, что я совсем не уделяю ей внимания – а какое внимание, когда я вечером, как выжатый лимон! Хотя, если честно, я к тому времени выучил два

стихотворения из Пушкина – про Мадонну и где он к Анне Петровне Керн обращается: «Я помню чудное мгновенье...» и все такое...

Я непроизвольно улыбнулась – вспомнила недавний разговор с Сашей.

– Вот ты смеешься... – с горечью произнес Аркадий Елисеевич. – И она тоже засмеялась. Сказала, что Пушкин, конечно, солнце русской поэзии, но в лирические моменты нужно читать что-нибудь другое, не избитое. А еще лучше – самому сочинить.

– Правда, так и сказала – самому сочинить?

– Клянусь. – Он полез в холодильник, достал открытую банку маринованных огурцов и прямо рукой достал один. – Хочешь? Ну, дело твое... Я, конечно, не сдержался, сказал ей кое-что... Я те стихи две ночи зубрил, устал как собака, а она обиделась!

– Лучше бы вы промолчали, – задумчиво пробормотала я и отпила последний глоток. – Ее нельзя было обижать. У вас есть сигареты? Я вообще-то не курю, но иногда хочется...

Он молча подвинул ко мне пачку «Беломора».

– А что, такие сигареты еще существуют? – спросила я.

– Самые хорошие. – Аркадий Елисеевич захрустел вторым огурцом, с сожалением и жалостью глядя на меня. – Эх, ты, Лизавета, ничего-то ты не понимаешь... Это ж натуральный продукт, он для здоровья полезнее, чем вирджинии всякие американские, в которых одна химия.

– Да, правда, – кивнула я. – Что-то читала про это...

Я закурила, но тут же пожалела об этом – вкус был совершенно особый, не для избалованных цивилизацией людей, к тому же табачная крошка все время сыпалась в рот... Я сделала вид, что затягиваюсь.

– И с этого момента начался ад, – вдруг произнес Аркадий Елисеевич, уставившись на какую-то точку на стене. – Я не думал, что молодая, хорошенькая женщина способна на такие издевательства. Моральные, конечно, но лучше б она меня сковородкой по голове била или там скалкой... все человечнее было бы. Короче, в один прекрасный день, вернее вечер, я не выдержал, напился, прибившись к какой-то компании, – «стекляшка» была напротив. Я вообще-то не пил, но тут так припекло... А компания та еще попалась! Короче, рядом со «стекляшкой» ларек стоял, и он оказался ограбленным. Меня посадили. На два года. А я даже не помню тот вечер – я, наверное, просто в кустах лежал рядом, в полной отключке, пока компания эта его грабила. Только она сказала, что всегда от меня ожидала чего-нибудь такого. Типа я подлец и негодяй.

Я смотрела на этого человека и думала, что мама напрасно согласилась за него выйти. Они были не парой. Ее вина только в том, что она согласилась...

– Она мне даже письмишка не написала. А когда я вышел, у нее уже ты родилась. От кого, как – я без понятия, только к тому моменту она была одна. А я все еще любил ее! И

предложил ей – давай сойдемся. А она засмеялась нехорошо и поставила мне условие, чтобы я закончил образование и чтобы места хорошего добился. «Тогда, – говорит, – приходи. А сейчас ты гол как сокол. И наколки свои сведи – это очень неэстетично...»

Аркадий Елисеевич протянул мне свои руки. Они были в старых рубцах.

– Вот, кислотой сводил. Чего мне стоило опять в институт устроиться – не скажу, страшное дело... Прихожу к ней через некоторое время – ты уже бегала всюду. Говорю – вот, все как ты хотела. А она засмеялась. Недобро так, издевательски. И заявила, что, типа, пошутила она тогда. «Ты, – говорит, – мне задаром не нужен. Я, – говорит, – еще с ума не сошла, чтобы с уголовником свою жизнь связывать. У меня дочь растет, ей хороший отчим нужен, а не такое быдло, как ты». Ну, насчет быдла я не уверен, может, она и не произносила этого слова, но смысл был точно такой. И как же мне обидно тогда стало, Лизавета! Я от нее вышел и – не вру, честное слово! – заплакал настоящими слезами.

Мне и самой было очень жаль этого человека, хотя возможно, что, если бы ту же историю мне когда-то рассказала мама, она рассказала бы ее по-другому. У каждого своя правда...

– Иду, а навстречу мне интеллигент какой-то прет. В очках, с тросточкой, и трубка в зубах. Толкнул меня и, не глядя, дальше пошел. Тут такая злость меня разобрала... По-

думал – вот этакого-то она быдлом бы не назвала, хотя он и есть самая настоящая свинья! Я его разворачиваю и требую, чтобы он извинился – за то, что толкнул, значит. А он трубкой своей пыхнул и заявил – «Миль пардон». А что такое это «Миль пардон»? Нет, я понимаю, что он вроде как извинения попросил, но зачем же еще издеваться? И тогда я его ударил... В общем, нанесение тяжких телесных повреждений, вторая судимость, и загремел я на сей раз на пять лет. Мамаша моя без меня умерла...

– Мне очень жаль! – произнесла я совершенно искренне. – Но все это лишь ужасное стечение обстоятельств...

– Да брось ты! – отмахнулся он. – Это все она виновата. Хоть и не говорят о мертвых плохо, но она мне всю жизнь сломала. Кто я? Жалкий слесарь при ЖЭКе, живу от чекушки до пол-литры... А мог бы быть непьющим, с образованием, с семьей и детьми. В костюме и с сотовым. Может быть, директором какой-нибудь фирмы. Эх, да что говорить...

– Знаете, я, пожалуй, пойду, – сказала я.

– Нет, ты погоди, я ж тебе главного не сказал, – остановил меня мой ненастоящий отец. – Тебе лет семь-восемь было, я тогда к вам заходил. Злые слова в душе нес, думал, хотя бы пощечину ей дать, как в каком-нибудь фильме, все бы легче стало. Но не смог. Она мне в глаза посмотрела – сразу все поняла. «Жалкий ты человек», – сказала, и дверь передо мной захлопнула. И ведь что обидно – я всю последующую свою жизнь себя жалким человеком и чувствовал. Ну как

заговорила она меня!

Он был совсем пьян и плакал. Я тихонько поднялась и стала пробираться к выходу. Я ничем не могла помочь Аркадию Елисеевичу, чужому человеку, чье имя я носила.

Вдруг он появился за моей спиной.

– Вправо крути, – подсказал он, когда я потянулась к замку, чтобы открыть дверь. – Это хитрый замок, сам ставил...

– Что? А, спасибо...

Я наконец справилась с замком.

– Прощай, Лизавета.

– До свидания, – сказала я, стоя в дверях. – Знаете, что... вы не расстраивайтесь. Все будет хорошо!

При всем своем литературном образовании я ничего другого не могла сказать ему.

– Еще минутку подожди... – торопливо заговорил Аркадий Елисеевич, – я тебя напугал сначала, прости. Но ты так на нее похожа... Послушай, ведь я не старый человек, мы бы с тобой могли...

И он опять понес околесицу, выносить которую не было никаких сил. Я закрыла уши руками и побежала вниз по лестнице. На душе было тяжело и муторно, словно меня заставили наблюдать за смертной казнью. «Права была Аглая, тысячу раз права... Не надо было мне сюда приходить!»

Через полчаса после того, как я вернулась домой, появился Саша. С неизменной розой в руках.

– Душа моя, весь день я ждал момента, когда увижу тебя...

Боже мой, что это за запах? Такое впечатление, будто ты пила водку и курила «Беломор»!

– Так оно и было, – вздохнула я. – Пила и курила, да еще в компании слесаря из ЖЭКа.

Саша молчал минуту, а потом вдруг улыбнулся так светло, что и у меня на душе стало светлее, и сказал легкомысленным голосом:

– А что, всякое бывает в жизни!

Он был так мил и так далек от всей той грязи, которая, к сожалению, присутствует в нашей жизни, что я не стала рассказывать ему о сегодняшнем происшествии. Наврала какую-то ерунду – благо, фантазией меня бог не обделил.

На следующее утро, когда история с Аркадием Елисеевичем уже не казалась мне столь трагической, Саша сказал:

– Вот что... Когда ты придешь к нам в клуб? Я уже всем про тебя рассказал... Тебе будет заказан отдельный столик. И ты ведь еще ни разу не слышала, как я пою. Конечно, если тебе интереснее пить водку со слесарями...

– Хорошо, приду, – неуверенно ответила я. – Так ты говоришь «Дель Арт»? Может быть, немного расскажешь о том, что меня там ожидает?

– Ни за что на свете! Вот придешь и сама увидишь.

Наверное, моя теперешняя боязнь ресторанов шла из прошлого. Был в моей жизни период, когда меня довольно часто водили в подобные заведения. Правда, каждый такой поход превращался в пытку – потому что меня немедленно начи-

нали засовывать в тесные рамки и оценивали слишком строго. «Послушай, в этот кабаk нельзя надевать вечернее платье – туда хватит и джинсов... Лис, ты сошла с ума – сейчас же сними этот балахон и надень платье для коктейлей – мы идем в очень стильное заведение, я буду в смокинге... Вот тебе деньги – сбегай в салон и попроси быстренько сделать себе прическу. Что-нибудь строгое, классическое... Господи, какой вычурный пучок, надо было с тобой идти, эти парикмахерши – такие дуры! Лис, сейчас же сними эти серьги – это совсем не твой стиль... Лис, мы приглашены на новогодний маскарад – немедленно по магазинам, надо найти костюм и маску. Знаешь, я видел на карнавале в Венеции... Говоришь, тебе трудно дышать? Но, милая Лис, не капризничай – тебе так идет этот корсет! Талия – сорок сантиметров, какой восторг! Ну ладно, можешь немного ослабить шнуровку... Ты – моя Коломбина, Лис!»

А я и забыла, что в прошлой жизни я называлась претенциозным именем Лис, производным от Елизаветы, и меня заставляли вести скучную светскую жизнь. Тот, прошлый, определял беготню по презентациям, коктейлям, приемам именно «светской жизнью», хотя по мне это были обычные тусовки, где всякий хотел выпендриться.

Лис давно умерла. Лис с ее рыжими кудрями до середины спины, оранжевой помадой и черными ресницами... Родилась Лиза с короткой стрижкой и почти не тронутым косметикой лицом.

– Послушай, мне, наверное, как-нибудь особенно одеться, да? – промямлила я. – Ну, и потом, я не знаю, успею ли я забежать в парикмахерскую...

Саша посмотрел на меня с удивлением:

– Нет, ничего не надо. Приходи, как тебе удобно... Сегодня, да?

– Хорошо, сегодня.

Но после института я все равно забежала домой. Не знаю почему, но меня вдруг взволновал вопрос, понравлюсь ли я Сашиным друзьям. Неужели покойная Лис решила вернуться?

– Что-нибудь скромненькое и со вкусом... – пробормотала я, рывком открывая платяной шкаф. Нет, длинное вечернее платье не годится – хотя бы потому, что отправлюсь я в Сашин клуб на своих двоих. Можно, конечно, поймать такси, но в час пик есть вероятность надолго застрять в пробках – в том районе, в центре, они не редкость, это я хорошо знала. Так что придется воспользоваться метро, родным московским метро, которое всегда выручало... – Тогда, может быть, вот это?

Костюм бледно-персикового цвета, свободный, чем-то смахивающий на пижаму, появился на свет божий из недр шкафа.

– Нет, я в нем похожа на идиотку...

Другой костюм, фиолетовый, был с золотыми пуговицами. Сто лет я не обращала внимания на эти пуговицы, но

сейчас они вдруг показались ужасными – ну просто как у купчихи!

А вот скромная черная юбка и белая блузка... Я в них часто ходила на лекции. Нет, слишком скромно, несмотря даже на то, что юбка была от известного модельера, а блузка досталась мне на одной из распродаж в главном универмаге города.

Одним словом, я перебрала все свои вещи и пришла к выводу, что мне решительно нечего надеть. Господи, совершенно я себя запустила!

Я села на диван и едва не расплакалась. Можно было, конечно, сбегать к какой-нибудь подруге и взять подходящий наряд напрокат. Но все дело в том, что у меня слишком маленький размер. Настолько маленький, что продавщицы, утомленные поиском подходящей мне вещи, не раз предлагали мне одеваться в «Детском мире»... И потом – разве та же Аглая смогла бы предложить мне что-нибудь стильное? Ей Леонид Иванович запретил покупать дорогие вещи, и она одевалась в вещи от китайско-турецких модельеров, изделия которых продавались на ближайшей барахолке. Однажды тот, из прошлого, увидел Аглаю и ужаснулся – «Господи, ну и чучело с бантом!». «Зато она очень хороший человек», – возразила я. «А ты все еще живешь по меркам, где содержание важнее формы? Милая Лис, сейчас все изменилось...»

После приступа отчаяния я все-таки нашла то, что пока-

залось мне вполне пригодным для сегодняшнего вечера. Это был брючный костюм темно-синего цвета с тонким белым кантом по горловине и рукавам. Довольно широкий, он все же не казался мешковатым, а кроме того, мне нравился состав ткани: шелк и вискоза – сочетание, приятное для кожи. Я оделась в костюм, и его скользящая прохлада сразу меня успокоила.

Тонкая нитка искусственного жемчуга, две жемчужные сережки в ушах – надо же было себя как-то украсить. А с прической я решила особо не мудрствовать – вылила на голову пузырек геля и взлохматила волосы. Получилось неожиданно хорошо – этакий небрежный беспорядок, как будто я вымыла голову и забыла причесаться...

Плащ, зонтик под мышку, словно огромный градусник... На улице было уже совсем темно, когда я выбежала из дома. Я ловила свое отражение в сверкающих витринах – хорошенькая девушка, которая спешит на свидание. Сто лет я не была на свиданиях...

В переулках Солянки я сначала немного запуталась, а потом как-то сразу наткнулась на вывеску – «Дель Арт». Клоун в белом балахоне, больше похожий на Каспера-привидение, подмигнул мне неоновым глазом. Коломбина бежит на свидание к Пьеро...

Швейцар распахнул передо мной стеклянную дверь, и я оказалась в мраморном вестибюле.

– Добрый вечер! – Вышел навстречу гардеробщик, пожи-

лой мужчина в фуражке. – Вам заказано?

– Кажется...

– А то у нас сегодня полный аншлаг, все столики заняты... – вежливо произнес он, принимая у меня плащ и зонтик.

– Я к Александру Фадеевичу.

– К кому? – поднял брови гардеробщик.

– Он поет у вас, – растерянно произнесла я. Может быть, я не туда попала и на этом московском холме есть еще один клуб «Дель Арт»?

– Господи, так вы к Саше! – страшно обрадовался гардеробщик. – Ну как же, как же... Вы к нашему Саше!

Он заглянул в соседнюю дверь и позвал кого-то. К нам вышел представительный мужчина в шикарном костюме, судя по всему – метрдотель.

– Елизавета... ох, к сожалению, Саша забыл сказать мне ваше отчество... – с исключительной любезностью заговорил он.

– Можно без отчества.

– Да, столь юному существу совсем не нужно отчества! Меня зовут Альберт, и это отнюдь не псевдоним...

Важный метрдотель понес какую-то, говоря языком моих студентов, пургу, расшаркиваясь и улыбаясь, а сам буравил меня любопытным взглядом. «Юное существо» терпеливо его слушало.

– А теперь позвольте вас препроводить... Саша скоро бу-

дет.

Альберт повел меня по полутемным запутанным коридорам. Мягкий ковер стелился под ногами, гася все звуки. Мы прошли мимо бильярдной, потом мимо еще какого-то помещения, где развлекалась шумная компания, и наконец оказались в большом зале. С одной стороны возле стены располагалась роскошная барная стойка, с другой – пустая сцена, где лучом прожектора был освещен круглый черный рояль. Между ними стояли столики – и действительно не было свободных, кроме одного – как раз возле сцены. Из динамиков доносилась ленивая мелодия танго, в зале негромко шелестели голоса, кто-то заразительно смеялся...

– Здесь вам, Лиза, будет лучше всего видно и слышно. Вот меню... Или, если хотите, я принесу вам то, что заказал для вас Саша, сообразуясь с вашими вкусами...

Я посмотрела на толстенный талмуд в кожаном переплете и скромно сказала:

– Пожалуй, доверюсь Саше.

Альберт испарился, а через пару минут появился официант, улыбаясь нестерпимо белозубой улыбкой, – он принес ведерко с шампанским. Именно с шампанским, а не шипучим вином – увидев бутылку, я улыбнулась. Моего героя никак нельзя назвать жадиной. Помнится, в прошлой жизни я пила такое же.

В зале было полутемно – лишь горели свечи на столах, да тускло светили скрытые светильники под потолком. Я

немного освоилась и нашла, что клуб «Дель Арт» – довольно милое заведение. Светло-желтые стены, темные гардины, репродукции Бакста, Сомова, Лансере...

Посреди зала тихо журчал небольшой фонтан с золотыми рыбками, и шелест воды общим умиротворяющим фоном наслаивался на гудение зала.

Официант, продолжая нестерпимо улыбаться, принес мне блюдо с разнообразными фруктами и пирожными. Но мне пока есть не хотелось – я едва прикоснулась к одной из песочных корзиночек, в которой дрожало нежнейшее апельсиновое желе. Я маленькими глотками пила шампанское и ждала Сашу. Чем дольше его не было, тем сильнее я начинала волноваться. С самого начала я поняла, зачем меня посадили так близко к сцене. Он должен появиться возле рояля в луче света.

Я осматривалась, стараясь не слишком вызывающе вертеться на стуле, и вскоре пришла к выводу, что за мной наблюдают. Нет, не публика – все сидели за своими столиками и были заняты исключительно собой, а вот бармен за стойкой, протиравший полотенцем стаканы, смотрел прямо в мою сторону. За его спиной постоянно колыхались темные гардины, и из-за них то и дело высывались чьи-то любопытные лица. Потом выглянул кто-то в белом колпаке, с половником наперевес – из коридорчика, ведущего на кухню, в котором то и дело скрывались официанты, возвращаясь оттуда с нагруженными всяческой снедью подносами. Да и са-

ми официанты при всей их явной вышколенности как-то подозрительно косили глазами в мою сторону, словно все поголовно страдали врожденным косоглазием.

«Ну, ясно! – мысленно ахнула я. – Саша всем разболтал про меня, и сейчас все, кто здесь работает, пялятся на меня, словно на слона в зоопарке!» Такое внимание было лестно, но от него мне стало и досадно. Я не страдала грехом гордыни, но столь пристальное внимание обслуживающего персонала немного коробило меня. Боже мой, но ведь и Саша здесь является чем-то вроде услуги! Вот он выйдет сейчас и начнет петь для жующей публики... Меня передернуло, покорило. Немедленно сложилось решение: он, конечно, очень милый, и я, кажется, люблю его, но, наверное, мы не сможем быть вместе.

«С кем ты связалась, Лис? – чуть ли не наяву услышала я надменно-вкрадчивый голос. Голос, струящийся из прошлого. – Фи, какой мезальянс – девушка с высшим образованием, которая преподает в институте и пишет серьезную научную работу о литературе Серебряного века, и какой-то ресторанный певец...»

Тут голос внезапно поперхнулся – на сцену из темноты вышел Саша. В черном фраке, белоснежной рубашке, с галстуком-бабочкой. Безупречная прическа – волосок к волоску. Он послал мне воздушный поцелуй и как ни в чем не бывало сел за рояль. Музыка в динамиках стала затихать, и раздались первые негромкие аккорды. Переход от одной ме-

лодии к другой был столь плавным и незаметным, что из всех сидящих за столиками появление Саши на сцене заметила только я.

Луч прожектора светил прямо на него – лицо бледное, под глазами тени – от того, что свет лился сверху.

– «В бананово-лимонном Сингапуре...» – негромко запел Саша таким прозрачным, ленивым, печальным голосом, что у меня мурашки побежали по коже. «Ах, ну да, Вертинский! – мелькнуло в голове. – Как же я сразу не догадалась, что в клубе под названием «Дель Арт» должны исполнять именно такие песни!»

Самым интересным было то, что Саша был все тот же красивый, приветливый молодой человек, в чьи объятия я бросилась, очертя голову. Но как же он талантлив! О, вот он кто – самый настоящий соблазнитель!

Я тихо засмеялась, прижав ладони к щекам. Честно сказать, я не большой знаток вокала, но он пел чудесно. Профессионально. Пальцы Саши легко порхали по клавишам, в свете прожектора вспыхивали иногда серебристым огнем его запонки... И глупые мысли о мезальянсе сразу же выветрились у меня из головы.

– «...Где вы теперь, кто вам целует пальцы, куда ушел ваш китайчонок Ли?... Вы, кажется, потом любили португальца, а, может быть, с малайцем вы ушли!...» – пел Саша. И тут вдруг, склонившись в мою сторону, он подмигнул мне. А потом продолжил: – «Ваши пальцы пахнут ладаном, а в ресни-

цах спит печаль. Ничего теперь не надо вам, никого теперь не жаль...»

Он пел, почти не делая перерыва. А я удивлялась тому, что он делает в этом клубе. С таким голосом, с таким тонким артистизмом он вполне мог бы выступать на сцене какой-нибудь филармонии. И публика в вечерних платьях и смокингах приходила бы только для того, чтобы послушать его, забыв про еду и питье...

Похолодев, с застывшими в глазах слезами, я слушала его. Песни Вертинского, которые долгие годы при советской власти считались вульгарными и напыщенными, были в исполнении Саши своего рода скрытой от посторонних глаз игрой – и печаль, и восторг, все в них казалось немного ненастоящим и театральным, и в то же время... О настоящей любви и нельзя говорить серьезно, прямолинейность губит чувства.

Я совершенно не замечала окружающей обстановки, забыла обо всем и слушала Сашу, держа в руках бокал с недопитым шампанским.

Передо мной опять выплыл Альберт.

– Вижу по вашему лицу, Лизочка, что вам здесь очень нравится, – прошептал он.

– Чудесно, чудесно, я не ожидала, что Саша так поет...

– Вы вполне можете заказать ему какую-нибудь песню. Разумеется, только из классического репертуара – других он принципиально не исполняет... Романсы, например.

– Романсы? О, я бы очень хотела... У меня есть любимый

романс – про колокольчик, где снег серебрится... Вы знаете?

Альберт зажмурился и затряс головой.

– Знаю ли я? О, Лизочка, это его коронный номер! Вы самым удивительным образом угадали нашу любимую песню...

Несмотря на грузную комплекцию, Альберт шустро засеменил к сцене и что-то быстро шепнул Саше.

Тот кивнул головой и достал из-за рояля гитару.

Я оглянулась и заметила, что публика с интересом смотрит на сцену. Даже более того – какая-то пожилая дама держала наготове охапку цветов – это могло означать только то, что здесь собираются настоящие поклонники Сашиного таланта.

Он чуть тронул струны – в воздухе затрепетали завораживающие, негромкие звуки. Потом медленно, словно нехотя, Саша запел:

– «В лунном сиянье снег серебрится... Вдоль по дороге троечка мчится...»

Каждое слово он отделял паузой, потом его голос окреп, заполнил все пространство.

– «Динь-динь-динь, динь-динь-динь... – как будто у него у самого в горле были эти серебряные колокольчики, – ... колокольчик звенит! Этот звон, этот звук много мне говорит. В лунном сиянии ранней весной – помнишь ли встречи, друг мой, с тобою?...»

У него был совершенно необыкновенный голос – не прон-

зительный, без чрезмерного форсирования, как нынче модно, и в то же время не слащавый, не приторный. Как человек, привыкший свободно манипулировать словами, я бы определила его так – голос, которым должен обладать мужчина, объясняющийся в любви. Наверное, большинство женщин, воображая идеального принца перед собой на коленях, слышали именно такой голос...

– «...колокольчиком твой голос юный звенел динь-динь-динь, динь-динь-динь – о любви сладко пел...»

Когда он допел романс до конца и перестала звенеть последняя струна, зал мгновенно разразился аплодисментами. Та пожилая дама, прижимая к груди свои цветы, побежала к сцене.

Я тоже хлопала. И смеялась, сама не замечая того, что по лицу у меня текут слезы...

Раскланявшись, Саша ушел за кулисы, а сцена закрутилась вокруг своей оси, отчего рояль оказался на заднем плане. Под луч прожектора выскочили два клоуна в пестрых трико и принялись откалывать всякие штуки. Их номер выглядел довольно уморительно, но после Сашиного пения мои глаза на них не хотели смотреть.

Он вдруг появился со стороны зала, уже в обычном костюме, страшно взволнованный и улыбающийся.

– Ну, что? – нетерпеливо спросил он. – Тебе понравилось?

– Ах, Саша – более чем!

– А это что? – с удивлением произнес он и провел ладонью

у меня по щеке. – Слезы?!

– Ты замечательно поешь. И вообще...

Саша выглядел очень довольным. Сел напротив, покачал головой.

– Но ты не ешь совсем! – с осуждением произнес он. – Ай-ай-ай, что скажет Мишель... Мишель – это наш повар, из самого города Парижа... Я заказал ему для тебя самые лучшие блюда, он так старался...

– Я сейчас все съем. – Я торопливо придвинула к себе блюдо. – Нет, правда, пока ты был на сцене, мне просто кусок в горло не лез, а вот теперь я чувствую себя голодной.

Саша принялся мне объяснять, что именно я пробую, но мне было все равно – я все еще была под впечатлением его голоса.

– А это кто? – кивнула я на сцену.

– Это Бим и Бом. Кстати, они муж и жена. Коля и Оля Арутюновы.

– Вот бы не подумала, что один из клоунов женщина...

– А ты присмотришься...

– Да, вон тот, в рыжем парике, – какой-то особенно пластичный, гибкий... Это Оля?

Саша засмеялся, ничего не ответил.

– Да, вот еще что... – строго нахмурилась я. – Что ты такое наболтал тут обо мне, что на меня все тарашатся?

– Я? Да ничего особенного, просто сказал, что моя девушка придет...

Мы говорили о всяких пустяках. Потом я спохватилась:

– Саша, я же не сказала тебе самого главного! У меня эта мысль сидела в голове с самого начала сегодняшнего вечера...

– Что такое? – перебив меня, взволнованно спросил он.

– А чего ты так испугался? – улыбнулась я.

– Н-ну... – немного смущенно пробормотал он. А потом поднял глаза и очень серьезно произнес: – Ладно, скажу честно – испугался, что сейчас ты мне скажешь, что мы не сможем больше встречаться. Что-нибудь вроде того, что я тебе надоел и что мы с тобой не пара...

– Господи, Саша! Ты настоящий талант, ты артист, как ты можешь так... Но ты почти угадал – я хотела сказать, что ты достоин большего.

– В каком смысле?

– Я имела в виду, что клуб этот, конечно, замечательный, и сразу видно, все тебя тут любят, и даже поклонники тут у тебя есть, но... Тебе надо на большую сцену. Большой зал, сопровождение оркестра, гастроли...

Саша пожал плечами:

– Не знаю, чем зал какой-нибудь лучше моего клуба. И вообще, я с детства ненавижу те помпезные заведения, которые ты так превозносишь, – все сидят в креслах и старательно слушают. Некоторые даже засыпают от чрезмерной старательности... Я не люблю, когда тужатся. Все должно быть легко и просто, и даже немного несерьезно.

– Как здесь?

– Да, как здесь. Проголодался – поел. А надоело слушать – так ушел, не боясь, что на тебя зашикают со всех сторон.

– Ты настоящий сфинкс... – с изумлением пробормотала я.

– Кто?

– Сфинкс. Загадочное существо.

– Надеюсь, это комплимент... И потом – каким бы я стал после всяких гастролей? Если бы у меня было то, что люди называют настоящей славой, я бы не нашел тебя. Ты бы не пробилась ко мне сквозь толпу поклонниц...

– Ну, спасибо... – буркнула я.

– Или же я был бы непризнанным гением – что еще хуже... Слава – вещь коварная, она не дается в руки просто так. Даже тогда, когда есть все предпосылки. Я бы наверняка пил и ныл, что мне мешают другие выскочки от искусства... Точно тогда бы я тебя либо не нашел, либо потерял.

Саша смял салфетку, отбросил ее от себя подальше и хмуро спросил:

– Но ты не сказала – ты меня не бросишь?

– Не брошу. – Кончиками пальцев я погладила его по щеке, а он изловчился и поцеловал мою ладонь. – С чего ты вдруг стал сомневаться во мне? На самом деле мне все равно, где ты поешь свои песни. Я знаю, что ты замечательный... Я бы любила тебя, даже если б у тебя вообще не было голоса. Даже если б ты вообще работал кочегаром в котельной!

Он заразительно засмеялся, и я вслед за ним.

– Ну, спасибо, утешила!..

– Нет, правда, я бы никогда тебя не бросила по своей воле... Ну, разве только если бы ты нашел более симпатичную девушку. Я очень ревнивая – помни об этом...

– А уж я какой ревнивый!..

Со всеми яствами, которые были на столе, я так и не смогла справиться – пришлось Саше мне помочь. Мы вместе допили шампанское, а потом заглянули на кухню, чтобы поблагодарить Мишеля. И Мишель, егозливый француз с бородкой клинышком и блестящими глазами, долго тряс мне руку и лопотал что-то на смеси русского и французского. Я, в свою очередь, сообщила ему, что испытала ни с чем не сравнимое удовольствие, когда пробовала пирожные, сотворенные его руками...

Затем мы с Сашей отправились в крошечную примерку к Биму и Бому, которые к тому моменту закончили свое выступление, и выпили с ними по рюмочке армянского коньяка. Оля без грима оказалась атлетически сложенной блондинкой скандинавского типа, а Коля – нежным черноволосым юношей с печальной улыбкой. Кажется, когда они были в клоунских костюмах, я все-таки ошиблась, пытаясь определить, кто из клоунов Оля.

Потом все, и даже Саша, куда-то убежали («айн момент, уно моменто!»), и я осталась на какое-то время одна. Заглянул Альберт.

– Саша велел посидеть с вами немного, чтобы вы не со-
скутились, Лиза...

– Конечно, посидите со мной, – обрадовалась я. – А то
как-то...

– Что, правда скучно?

– Нет, как-то непривычно. Я не ожидала...

– Вам не понравился наш клуб? – Альберт явно напраши-
вался на комплимент.

– О, что вы! Здесь очень уютно, и кухня превосходная... Я
просто не могу прийти в себя после Сашиного выступления.
Мне кажется, он настоящий талант!

– Безусловно! – энергично закивал Альберт своей массив-
ной башкой, чем вдруг очень мне напомнил дрессированно-
го медведя в цирке. – Вот, вы смеетесь, Лиза, – значит, вам
действительно у нас понравилось... Сколько вы знакомы с
Сашей?

– С конца августа.

– М-да, совсем недавно...

Я вдруг насторожилась.

– Почему вы спрашиваете об этом, Альберт?

– Потому что... Черт, не привык я ходить вокруг да око-
ло... Вот что, Лиза, мы очень любим Сашу...

– Я тоже его люблю.

– Это понятно... Только у меня к вам просьба – не оби-
жайте его. Он хороший парень. Лучше, пожалуй, во всей
Москве не найдешь.

– А с чего вы взяли, что я собираюсь обидеть его? – нахмурилась я. – Посмотрите внимательно, Альберт, разве меня, при моем росте метр пятьдесят семь, можно опасаться?

– Да нет, я не о том... – неожиданно покраснел мой собеседник. – Я о других обидах. Он, наш Саша... Ну, он из тех, кто никогда не предаст. И вы уж, пожалуйста...

Я хотела обидеться на него – черт возьми, никто не имеет права лезть в мою личную жизнь! – но у меня опять не получилось. Я решительно не умела обижаться. Но я хорошо поняла, о чем пытается мне сказать Альберт.

– Ладно, не продолжайте, – сказала я. – Я Сашу на самом деле очень люблю. Видите, даже не стесняюсь говорить об этом.

– Вот и славно... – запыхтел он, пожимая мне руку своими лапищами. – Господи, а ручки-то и вправду у вас такие маленькие, словно у ребенка... Я вижу, Лиза, вы хорошая. Я это серьезно говорю, потому что давно научился в людях разбираться. Я, пожалуй, тут лишнего наболтал... Но вы простите меня, потому что Сашу мы все считаем классным парнем и не хотим, чтобы его невеста...

– Кто? – вытаращила я глаза. Неужели Саша представил меня как свою невесту?

– Ах, я, кажется, точно сболтнул лишнего... – почесал Альберт затылок. – Ну, в общем, вы уж сделайте вид, что ничего такого не слышали, а то мне от Сашки достанется.

И в этот момент в дверях появился герой моего романа.

– А вот и я! – воскликнул он, держа в руках большой пакет. – Что, Лиза, развлекал тебя Альберт светской беседой? – Да уж... – неопределенно произнесла я. – Ладно, идем, пока начальство доброе и отпускает меня. ...Когда мы оказались на улице, я не выдержала и засмеялась.

– Ты о чем? Расскажи – я тоже хочу повеселиться... – сказал он.

– Не могу, Альберт просил меня не разглашать тайны! – ответила я. – А что у тебя в пакете?

– Образцы кулинарного творчества Мишеля. Он чуть ли не силой вручил мне все это. Кажется, ты его перехвалила. А что за тайны у вас с Альбертом? Ты не забывай – я ревнивый...

* * *

Несколько дней после посещения клуба «Дель Арт» я была словно не в себе. Две вещи не шли у меня из головы – его голос и то, что он представил меня как свою невесту.

Ну, с голосом все было более-менее понятно – Саша талант, нечего и говорить, а вот с невестой... Хотя, с другой стороны, если бы я представляла его кому-то, то, вполне возможно, тоже назвала бы женихом. А как еще? Бойфренд, сожитель, любовник, возлюбленный?

Но невеста – звучит так старомодно, церемонно... В этом

слове максимальная почтительность к той, которая находится рядом с тобой. Или он действительно собирается сделать мне предложение? Согласиться или нет? Впрочем, о чем я думаю – он хороший, а мне почти тридцать. По западным меркам, конечно, относительная молодость, но по нашим, российским, я уже старая дева. Господи, какая я глупая, какие глупые у меня мысли! Аглая бы сказала... Хотя, какое мне дело до того, что скажет Аглая!

Когда-то, очень давно, я уже была невестой. Целых пять лет я жила с человеком, от которого каждый день ждала слов – «пожалуйста, Лис, будь моей навсегда!». Но он их не сказал, хотя в какой-то момент все было близко к тому. А потом это стало невозможным: появилось отчуждение – сначала незаметное, как трещина в асфальте, а потом оно стало расти. «В тебе нет огня, – в очередной раз с досадой произнес он. – Ты холодная, как рыба. Ну пожалуйста, хоть раз, поругайся со мной. Вот тарелка – разбей ее... Крикни, назови меня нехорошим словом, что ли, забудь о своем литературоведении! Что ты смеешься?» – «А при чем тут литературоведение?» – «Ни при чем, конечно, но только не будь такой безразличной ко мне!» – «Я люблю тебя». – «Ты не любишь, Лис, ты терпишь. Тебе все равно, кто рядом с тобой – пусть хоть сам сатана!...»

И мы расстались, потому что трещина разрослась до размеров пропасти. «Так из-за чего вы разбежались, не понимаю? – спросила Аглая. – Он нашел другую?» – «Нет. Мы

просто не сошлись характерами – кажется, это именно так называется в народе». – «Чушь собачья! Ты могла бы и потерпеть – в конце концов нет идеальных мужчин». – «И ты о том же!» – «Лизавета, надо было держать такого мужика руками и ногами – лучше его не найдешь. Он красивый, богатый, он не пьет и по бабам не ходит! Он даже вполне образован – я в его речи особых ошибок не слышала. Ни вульгаризмов, ни жаргонизмов, нормальная, даже, пожалуй, хорошо развитая устная речь!» – «Да уж, тебе виднее, моя грамматикесса...» – «Кто-кто? Только без оскорблений... Я тебе вот что скажу, Лизавета: это, конечно, хорошо, что ты не теряешь оптимизма, но пора бы и задуматься о своем будущем...» И тэ дэ, и тэ пэ.

* * *

Нам нравилось кататься по городу.

В начале октября было холодно, под утро даже вода замерзала в лужах, а потом вдруг вновь стало тепло, как будто бабье лето решило вернуться на бис.

В один из таких вечеров мы с Сашей отправились на Воробьевы горы. Это была моя идея – посмотреть на панораму города, но он с радостью принял ее и сказал, что сам хотел чего-то подобного.

– Знаешь, иногда во мне бродят какие-то мысли, еще не вполне оформленные, а ты вдруг раз – и произносишь их

вслух, – сказал он, подруливая к открытой площадке.

– Ты хочешь сказать, что я читаю твои мысли?

– Да! – решительно воскликнул Саша. – А я иногда догадываюсь, о чем думаешь ты.

– Ну, например? – засмеялась я, вылезая из машины.

– Вот, пожалуйста – неделю назад ты ходила скучная, и я потащил тебя к Арутюновым. Помнишь, что ты мне потом сказала?

– О да, я сказала тебе, что мне, наверное, в тот день действительно не хватало цирка!

– Тебе понравилось у них?

– Господи, я до сих пор забыть не могу! Теперь мне кажется, что я выбрала не ту профессию и мне надо было стать акробаткой или в крайнем случае заняться жонглированием...

В самом деле тот вечер, проведенный у Сашиних друзей, до сих пор казался мне каким-то особенно веселым, словно я на миг вернулась в детство.

Коля и Оля угощали нас сладостями, которые им прислали родственники откуда-то с Востока – в жизни не пробовала такого нежнейшего лукума и столь приятной халвы, – а потом принялись показывать всякие трюки. Оказывается, они довольно долго работали в цирке.

– Почему же вы ушли? – спросила тогда я с удивлением. – Наверное, там было очень весело...

– Да уж... – засмеялся Коля чуть смущенно. У него была такая манера – он все делал и говорил с оттенком смущения.

ния. — А ты знаешь, что за жизнь у цирковых?

— Нет... А что?

— Вечные гастроли и разъезды, — вздохнула Оля, — ни кола ни двора. Мы все время сидели на чемоданах. И, потом, условия в гостиницах были не самые лучшие. Надоели вечные скитания...

— Мы хотим ребенка, — застенчиво признался Коля. — А тогда это было совершенно невозможно...

Он был гибким, точно в его теле совсем не было костей. Расположившись на ковре, он, как настоящий йог, изгибался в самых невероятных позах, вызывая у нас с Сашей возгласы изумления и страха. Потом поставил на пол две бутылки из-под шампанского, на них передними ножками — стул, а сам, упершись в стул, сделал стойку вверх ногами. Мне такое равновесие казалось фантастикой, а Коля сказал, что это ерунда, и даже у меня так могло получиться.

— У тебя вполне подходящая для циркачки комплекция, — краснея, сказал он. — Попробуй хотя бы встать на руки.

Я была в брюках и потому решила попробовать. Как ни странно, но с помощью Коли и Оли у меня это получилось. Потом они показали мне, как надо правильно принимать позу лотоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.